

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкой **ШЕСТЬ** рублей.

Подписка принимается при Каездральномъ соборѣ.

Объявленія принимаются только позади текста. Цѣна за строку пята по 10 коп.

За разсылку при Епархіальн. Вѣдомост. отпеч. объявл. взимается 3 руб.

№

1-го іюня

11.

1912 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ: Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ Благовѣщенской Духовной Консисторіи Настоятелямъ церквей и монастырей Благовѣщенской епархіи.—Извѣстія по епархіи.

Циркулярно.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, СМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО изъ Благовѣщенской Духовной Консисторіи Настоятелямъ церквей и монастырей Благовѣщенской епархіи.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Благовѣщенская Духовная Консисторія **Приказали:** въ виду нерѣдкихъ случаевъ обращеній къ Епархіальному Начальству съ ходатайствами о разрѣшеніи построекъ церквей и часовень безъ представленія проэктовъ на предполагаемая постройки или же съ представленіемъ проэктовъ неудовлетворительныхъ въ техническомъ отношеніи,—объявить чрезъ напечатаніе въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» къ свѣдѣнію и точному руководству, что для разрѣшенія въ техническомъ отношеніи

построекъ церквей и часовень требуется представлять слѣдующіе документы:

А. Для постройки каменныхъ и деревянныхъ церквей вообще.

1) Чертежи въ составѣ:

а) не менѣе двухъ фасадовъ: западнаго и южнаго или сѣвернаго, *въ масштабѣ одна сажень въ англійскомъ дюймѣ.*

б) не менѣе двухъ общихъ размѣровъ: продольнаго и поперечнаго (на-крестъ, перпендикулярно одинъ другому), *въ масштабѣ одна сажень въ одномъ англійскомъ дюймѣ.*

в) разрѣзы тѣхъ детальныхъ частей, гдѣ встрѣчаются своды, съ тѣмъ, чтобы своды сіи изображались вмѣстѣ съ опорами до основанія и при томъ *въ детальномъ масштабѣ не менѣе одной сажени въ англійскомъ дюймѣ*; размѣры же особенной толщины должны обозначаться цифрами.

г) планъ церкви *въ масштабѣ одна сажень въ половину англійскаго дюйма* (вдвое меньше).

д) генеральный планъ мѣстности въ масштабѣ пять сажень въ одномъ англійскомъ дюймѣ, съ показаніемъ всѣхъ ближайшихъ строеній и обозначеніемъ установленными красками рода матеріала, ихъ составляющаго.

При этомъ соблюдается:

е) чтобы чертежи были разрѣзаны на форматы, т. е. отдѣльные листы, размѣромъ каждый въ 8 дюймовъ ширины и 13 дюймовъ вышины, и наклеены на сѣрый или бѣлый коленкоръ, съ незначительными промежутками, такъ, чтобы, по сложеніи ихъ одинъ на другой, получался размѣръ одного формата.

ж) чтобы планы и разрѣзы были раскрашены слѣдующими колерами: каменные части: новыя *сурикомъ*, существующія *карминомъ*; деревянные части: новыя *гуммиутомъ*, существующія *жженою сіеною*; назначенныя къ сломкѣ, какъ каменные, такъ и деревянные *леикою тушью*.

з) чтобы на чертежахъ показывалось расположеніе коренныхъ дымовыхъ трубъ.

и) чтобы въ надписи на проэктѣ точно обозначалось, гдѣ именно (въ какомъ селеніи, волости, области) и на какое число молящихся проектируется къ постройкѣ храмъ,

2) Копіи со всѣхъ означенныхъ чертежей (могутъ быть представляемы на калькѣ, т. е. прозрачномъ коленкорѣ).

3) Пояснительная записка, содержащая свѣдѣнія:

а) о родѣ и составѣ грунта, назначаемого подъ проектируемую церковь, съ точнымъ указаніемъ глубины и толщины каждаго изъ встрѣчаемыхъ слоевъ грунта. Изслѣдованіе производится посредствомъ колодцевъ (шурфовъ) вырытыхъ не менѣе какъ въ четырехъ углахъ избранной мѣстности, на глубину: при хорошемъ, крѣпкомъ грунтѣ не менѣе трехъ аршинъ, при грунтѣ слабомъ, ненадежномъ на большую глубину, вплоть до материка (т. е. до грунта надежнаго: плотной и сухой глины, сухого песку, хряща или скалы).

б) о наибольшей глубинѣ промерзанія грунта (рытьемъ колодцевъ до талой части грунта-подъ конецъ зимы послѣ самыхъ сильныхъ морозовъ).

в) о родѣ матеріала (камня, кирпича или дерева какихъ именно и откуда), назначаемого для постройки (какъ для фундамента, такъ и для стѣнъ и кровли).

г) о способѣ закладки фундамента: прямо ли на грунтѣ, или на лежняхъ или сваяхъ, съ объясненіемъ въ послѣднихъ двухъ случаяхъ степени сырости грунта.

д) всякія иныя свѣдѣнія, необходимыя для полного обсужденія и утвержденія проекта.

е) если проектъ составленъ по образцу уже существующаго нѣсколько лѣтъ прочнаго церковнаго зданія, то объяснить, какое именно зданіе и что противъ него измѣнено.

ж) если проектируется перестройка или капитальный ремонтъ, то нѣкоторыя изъ указанныхъ въ п. п. а-г. свѣдѣній, буде являться излишними по существу перестройки или ремонта, могутъ быть въ пояснительной запискѣ опущены и замѣнены подробнымъ описаніемъ проектируемыхъ работъ, а также состоянія, въ какомъ находится назначаемое къ перестройкѣ или ремонту зданіе.

4) Если проектируется *каменная* постройка, расчетъ устойчивости и прочности сооруженія аналитическій, или графическій, или смѣшанный (графико—аналитическій), какъ самостоятельной для отдѣльныхъ частей, такъ и общей всѣхъ частей постройки, съ общимъ коэффициентомъ.

5) Къ проектамъ на *перестройки и капитальные ремонты* должны быть прилагаемы акты освидѣтельствования назначенныхъ къ перестройкѣ или ремонту зданій техника-ми, съ заключеніемъ послѣднихъ о необходимости перестройки или ремонта.

б) Ко всякимъ проектамъ, какъ на постройки, такъ и на перестройки и ремонты смѣта на матеріалы и работы, составленная и завѣренная техникомъ. Смѣта должна составляться съ соблюденіемъ установленныхъ для сего правилъ и порядка и представляться съ копіей.

Б. для построекъ, на которыя испрашивается ассигнованіе изъ суммъ Святѣйшаго Синода.

1) генеральный планъ участка съ точнымъ показаніемъ на нихъ предполагаемыхъ работъ и съ выставленными на чертежахъ принятымъ въ смѣтѣ размѣровъ частей зданія въ сотыхъ сажень; на самыхъ планахъ должны быть написаны назначенія каждаго помѣщенія.

Примѣчаніе; 1) Масштабы для представляемыхъ чертежей слѣдующіе: для генеральныхъ плановъ сажень въ $\frac{1}{5}$ дюйма, для плановъ зданій сажень въ $\frac{1}{2}$ дюйма и для фасадовъ и разрѣзовъ 1 сажень въ одномъ дюймѣ. 2) Чертежи должны быть представляемы на форматахъ размѣромъ 13×8 дюймовъ, съ наклейкою на коленкоръ.

3. пояснительная записка съ описаніемъ предполагаемыхъ работъ, качества грунта и глубины материка, съ описаніемъ спеціальныхъ работъ или особыхъ конструкцій въ тѣхъ случаяхъ, когда таковыя имѣютъ быть примѣнены; при примѣненіи для перекрытій металлическихъ балокъ, составныхъ балокъ, или фермъ-разсчеты ихъ.

4. При проектахъ на постройку новыхъ церквей и на капитальную перестройку существующихъ—разсчеты прочности и устойчивости частей церкви.

5) При капитальныхъ перестройкахъ и ремонтныхъ работахъ актъ о необходимости таковыхъ.

б) смѣта.

Примѣчаніе: Смѣты какъ на новыя постройки, такъ и на перестройки и ремонтныя работы должны составляться на основаніи **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденного Урочнаго Положенія для строительныхъ работъ и справочныхъ цѣнъ за тотъ мѣсяць или

треть предыдущаго года, въ которыхъ цѣны, по надлежащемъ засвидѣтельствovaniи, являются приблизительно средними. Въ-сто справочныхъ цѣнъ смѣты могутъ быть составляемы и по хозяйственнымъ цѣнамъ, съ тѣмъ однако, чтобы онѣ не превышали вышеуказанныя справочныя.

7) **справочныя цѣны** (согласно предыдущему пункту), на основанiи которыхъ составлена смѣта. Справочныя цѣны должны быть прилагаемы и при смѣтахъ, составленныхъ по хозяйственнымъ цѣнамъ.

8) При работахъ не вошедшихъ въ урочное положенiе, отобранныя цѣны на нихъ отъ производителей подобнаго рода работъ.

9) **Копiи** всѣхъ представляемыхъ чертежей. (Копiи допускается исполнять на коленкоровой калькѣ).

В. Независимо отъ исполненiя изложенныхъ выше въ отдѣлахъ А. и Б. требованiй надлежитъ:

1) чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагается ходатайствовать о безплатномъ или льготномъ отпускѣ лѣса на постройку изъ казенныхъ дачъ, были представляемы съ проектами **выписки** техника изъ смѣты на **лѣсные матеріалы**, каковыя должны быть исчислены и показаны въ **выпискѣ въ бревнахъ**.

2) Чтобы архитекторы, которымъ поручено производство построекъ церквей, непременно сообщали въ свое время Строительному Отдѣленiю какъ о началѣ работъ, такъ и объ окончанiи вчернѣ зданiя, на предметъ освидѣтельствovaniя его, а въ затруднительныхъ случаяхъ обращались въ Отдѣленiе за совѣтами и указанiями. (Циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1867 г. № 913 п. 5).

3) Чтобы постройки каменныхъ церквей, по возможности были поручаемы лишь тѣмъ техникамъ, которые уже производили работы подобнаго рода, или, по крайней мѣрѣ, находились при нихъ въ качествѣ помощниковъ производителей работъ, подъ руководствомъ опытныхъ архитекторовъ. (Ibid п. 4).

4) Чтобы строители церквей не дѣлали ни малѣйшаго отступленiя отъ плановъ и фасадовъ, для построенiя церкви составленныхъ и надлежащимъ порядкомъ утвержденныхъ (ст. 239 Строит. Уст. по прод. 1886 года).

5) Чтобы разрѣшенныя къ построению церкви изъ камня или дерева строились безъ замедленія изъ прочныхъ матеріаловъ. (45 ст. Уст. Дух. Консистер.).

и 6) Чтобы (при заказѣ и составленіи проектовъ на постройку и перестройку церквей) вообще было соблюдаемо достоинство и приличіе въ архитектурномъ отношеніи, съ сохраненіемъ предпочтительно древняго Византійскаго стиля. (50 ст. Уст. Дух. Кон.). № 3539.

Извѣстія по епархіи.

Священникъ с. Подольскаго, Амурской области, *Василій Гаряевъ*, согласно прошенію, резолюціею Его Преосвященства, отъ 24 апрѣля с. г. за № 1292, **перемѣщенъ** на вакантное мѣсто священника къ церкви с. Райчихи, Амурской области.

Священникъ *Николай Овчинниковъ*, резолюціею Его Преосвященства, отъ 27 апрѣля с. г. за № 1326, **освобожденъ** отъ временнаго отправления пастырскихъ обязанностей при градо-Благовѣщенской Михаило-Архангельской церкви съ 1 мая сего 1912 года.

Временно исполн. об. Благодѣянаго III участка церковей Благовѣщенской епархіи, резолюціею Его Преосвященства отъ 1 мая с. г. за № 1357, **назначенъ** священ. градо-Благовѣщенскаго кафедральнаго собора *Іоаннъ Подберезжскій*.

Разъѣздный священникъ ст. Пера, средней части ново-строящейся Амурской желѣзной дороги *Валеріанъ Мелиссовъ*,

согласно прошенію, резолюціею Его Преосвященства, отъ 4 мая сего года за № 1391, **перемѣщенъ** на мѣсто разъѣзднаго священника на ст. Магдагачи, средней же части дороги.

Діаконъ церкви Хабаровскаго кадетскаго корпуса *Софроній Болтиковъ*, за поступленіемъ на Московскіе Пастырскіе Курсы и въ виду ходатайства Директора вышеуказаннаго корпуса, резолюціею Его Преосвященства, отъ 4 мая с. г. за № 1404, **уволень** за штатъ.

Псаломщикъ походной церкви средней части новостроящейся Амурской желѣзной дороги *Василій Гавриловъ*, предложеніемъ Преосвященнѣйшаго Евгенія, Епископа Приамурскаго и Благовѣщенскаго, отъ 27 апрѣля с. г. за № 1332, **опредѣленъ** на вакантное псаломщическое мѣсто къ церкви с. Бѣльско-Троицкаго, Амурской области.

Псаломщикъ церкви ст. Екатерино-Никольской, Амурской области, *Владиміръ Криволицкій*, согласно прошенію, резолюціею Его Преосвященства, отъ 4 мая с. г. за № 1395, **уволень** отъ занимаемой имъ должности псаломщика, а вмѣсто него, согласно прошенію, резолюціею отъ 4 мая с. г. за № 1393, **перемѣщенъ** и. об. псаломщика церкви ст. Радде, Амурской области *Симеонъ Семеновъ*.

И. д. псаломщика церкви с. Петропавловки, Амурской области, *Никифоръ Ластовкинъ*, согласно прошенію, резолюціею Его Преосвященства, отъ 15 мая с. г. **уволень** отъ занимаемой имъ должности.

5 сего мая, въ 5 час. утра **скончалась** Настоятельница Благовѣщенскаго Богородично-Алѣазинскаго женскаго монастыря, Игуменія *Палладія*.

Мантейная монахиня Благовѣщенскаго Богородично-Алба-
зинскаго общежительнаго женскаго монастыря *Марія*, за
смертію Игуменіи *Палладіи*, предложеніемъ Его Преосвящен-
ства, отъ 11 мая с. г. за № 1474, **допущена** къ временному
исполненію обязанностей Настоятельницы сего монастыря.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го іюня

№ 11.

1912 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ: Записки миссіонера.—Пресектivity православно-приходской жизни.—Пастырская проповѣдь.—Незамѣтные герои.—Среди газетъ и журналовъ.—Мѣстные извѣстія.—Библиографическія замѣтки.

Записки миссіонера.

Воспоминанія о жизни гольдовъ, гиляковъ, самогирцевъ, аинцевъ и другихъ инородцевъ, обитающихъ по р. Амуру и его притокамъ¹⁾).

Инородцы живутъ отдѣльными стойбищами; въ каждомъ стойбищѣ отъ 2 до 6 юртъ. Юрты построены все по одному образцу. Юрта имѣетъ обыкновенно четырехугольную форму, болѣе протянута въ длину, съ соломенной крышею, которая хорошо промазана глиною и поката на обѣ стороны. Стѣны юртъ дѣлаются изъ тонкихъ бревенъ и промазываются также глиной.

Въ юртѣ съ двухъ, трехъ и даже со всѣхъ четырехъ сторонъ, дѣлаются окна, и въ одной изъ стѣнъ прорубается дверь. Окна зимой заклеиваются рыбьей кожей или бумагой, пропитанной жиромъ, лѣтомъ же на окнахъ—шторы, связанныя изъ тростника. Внутри юрты съ двухъ или съ трехъ сторонъ придѣланы нары, сдѣланныя изъ глины. Нары покрываются соломенными коврами, сплетенными изъ тростника, и служатъ инородцамъ для сидѣнья и сна на нихъ. Въ концѣ наръ, съ обѣихъ сторонъ, придѣланы печки, въ которыя вмазаны котлы; въ этихъ котлахъ варятъ себѣ пищу. Подъ нарами отъ печей продѣланы трубы и выведены на улицу, такъ что въ юртахъ нары постоянно теплыя. Зимой въ юртахъ еще ставятся желѣзные камни, хотя не вездѣ, но очаги устраиваются въ каждой юртѣ. Очагъ—это небольшой котель на ножкахъ, въ который накладываютъ горячихъ углей, а сверху засыпаютъ золой, чтобы жаръ далѣе сохранялся. Очагъ ставится на нары и около него все время находятся ребяташки, а подъ часъ—и взрослые.

Потолка въ юртахъ не дѣлаютъ. Освѣщаются юрты ночниками, въ которыхъ горитъ рыбій жиръ, но въ последнее время керосиновыя лампы начинаютъ понемногу вытѣснять ночники, которые даютъ мало свѣту, но много ужасной копоти. Кроме зимнихъ юртъ, инородцы уст-

¹⁾ См. №№ 6—7 и 8—9 Епарх. Вѣд.

райвають еще лѣтнія юрты. Лѣтняя юрта меньше зимней и нары въ ней не глиняныя, какъ въ зимней, а деревянныя. вмѣсто печей огонь разводять по срединѣ юрты на полу; здѣсь устанавливають на трехъ камняхъ котель для варки пищи. Стѣны юрты дѣлають не изъ бревенъ, а изъ древесной коры,—изъ этой же коры дѣлается и крыша. Лѣтняя юрта ставится около зимней юрты. Недалеко отъ юртъ и амбаръ.

Иностранцы амбаръ ставятъ на четырехъ столбахъ вышиною около 2-хъ аршинъ. Верхніе концы столбовъ обиваются жестью, или прикрѣпляются къ нимъ жестяныя банки; это устраивають для того, чтобы въ амбаръ не забралась „снгару“ (крысы). Иностранцы народъ добрый, тихій и миролюбивый; живутъ въ юртахъ отдѣльными семьями, иногда же и двѣ семьи поселяются вмѣстѣ, въ одной юртѣ. Съ родителями живутъ и ихъ семейные дѣти. Родители очень любятъ своихъ дѣтей; дѣти въ свою очередь любятъ и уважають своихъ родителей (въ этомъ случаѣ могутъ служить хорошимъ примѣромъ для русскихъ). Старшій въ семьѣ управляетъ всею хозяйствомъ и руководить младшими. Старики у иностранцевъ въ большомъ почетѣ. Неимущій родственниковъ и не способный къ труду старикъ нерѣдко прокармливается не говоря уже о родственникахъ, даже знакомыми и безъ всякихъ укоровъ со стороны послѣднихъ. Жены въ полномъ повиновеніи своимъ мужьямъ и мужья, при нѣкоторой деспотичности по отношенію къ женамъ, все же, въ общемъ, относятся къ нимъ довольно гуманно. Женщина у иностранцевъ должна все время заниматься воспитаніемъ дѣтей, до того возраста, пока мальчики не переходять въ полное распоряженіе отца и не становятся его помощниками во всемъ,—конечно не переставая быть добрыми и послушными сыновьями своей матери. Попеченія матери о дѣвочкѣ простираются до замужества послѣдней. Брачныя обычаи у иностранцевъ—очень прискорбное явленіе: иностранцы своихъ дѣтей продають замужъ съ 6—7 лѣтъ, а иногда и моложе.

Женщина должна слѣдить за чистотой въ юртѣ, шить одежду и обувь, выдѣлывать разнаго рода шкуры, вязать циновки на нары изъ тростника и т. п.; кромѣ того, если мужъ на охотѣ, то на ея обязанности лежитъ: покормить собакъ (гилякскихъ лошадей), привезти дровъ изъ лѣса, если лѣсъ поблизости,—если же въ отдаленности, то мужчины заготавливають дрова раньше до ухода на охоту. Лѣтомъ, если мужъ поѣхалъ рыбу ловить, на весла обязательно садится жена. Боже упаси, чтобы женщина сѣла на корму, а мужчина на весла: это для него считается унижительною. Если три гиляка поѣхали на лодкѣ, то старшій по возрасту обязательно садится на корму, хотя бы на веслахъ оказался болѣе молодой старшина стойбища. Приѣхавъ съ рыбной ловли женщина опять начинаетъ работать: она должна прежде всего сварить чай, приготовить талы (нарѣзанная мелкими ломтиками сырая рыба), потомъ ужъ должна свѣжевать пойманную рыбу и приготовить изъ нея юкалу, Юкала готовится слѣдующимъ образомъ: пойман-

наго осетра или калугу рѣжутъ лентами, напизываютъ на палку и выносятъ на солнце при хорошей погодѣ, если же пасмурно, то юкалу вѣшаютъ въ юртѣ надъ огнемъ, и висеть она до тѣхъ поръ пока совершенно не высохнетъ. Юкалу готовятъ безъ соли. Такимъ образомъ, вся домашняя работа, какъ то: рукодѣліе, приготовленіе пищи, запасъ на зиму юкалы для себя, костей для собакъ, лежатъ на обязанности женщинъ. Впрочемъ, въ заготовленіи юкалы на зиму принимаютъ участіе и мужчины. Семейная жизнь инородцевъ, можно сказать безъ преувеличенія,—образцовая; конечно и между ними бываютъ недоразумѣнія по части ссоръ и заушеній,—по пословицѣ—„въ семьѣ не безъ уroda,“ но въ общемъ эти семейныя передраги у гиліковъ довольно рѣдкое явленіе. Занятіе инородцевъ—исключительно охота и рыбная ловля. Весной, только что проходитъ ледъ, приблизительно въ первыхъ числахъ мая, инородцы выѣзжаютъ на лодкахъ ловить рыбу, (потому что заготовленный съ осени запасъ истощается, а есть что-нибудь надо). Пытаются счастье вездѣ и по Амуру и по небольшимъ рѣчкамъ, ловятъ и сѣтями и неводомъ всевозможную рыбу: щукъ, ленковъ, сазановъ и т. д., однимъ словомъ,—что попадетъ. Потомъ ставятъ крючки и сѣтки на осетровъ и калугъ, словомъ всевозможными способами добываютъ себѣ и собакамъ пропитаніе. Въ это-же время поправляютъ и аюнки. Аюнка, это неводъ для калуги; вязка его далеко рѣже кэтоваго невода, безъ груза на нижней части и безъ балберокъ на верхней: вмѣсто балберокъ привязываются къ верхней части невода небольшіе куски древесной коры, которые и поддерживаютъ неводъ на поверхности. Кромѣ этихъ кусковъ коры прикрѣпляются къ поверхности же невода отъ 8 до 10 деревянныхъ палокъ (плавниковъ), длиною въ $\frac{3}{4}$ аршина или въ аршинъ, а къ каждому верхнему концу невода привязывается на веревку сажени въ 4—5 по берестяному чумашку. Съ послѣднихъ чиселъ марта и по первое число іюня инородцы находятся большею частью дома. Съ первыхъ же чиселъ іюня выѣзжаютъ „аюрить“ калугу верстъ за сорокъ отъ стойбища, вверхъ по теченію. Въ это мѣсто съѣзжаются все инородцы, у которыхъ есть аюнка. Сюда же привѣзжаютъ инородцы и съ рѣки Горина, верстъ за двѣсти и двѣсти пятьдесятъ. Поднявшись вверхъ верстъ на 20—30, инородцы выѣзжаютъ на рыбную ловлю отдѣльными партіями, причемъ каждая лодка опускаетъ въ воду свою аюнку. Спустивъ аюнку въ воду, рыболову остается одно—регулировать чумашки; разъ чумашки идутъ правильно, то значить аюнка идетъ стѣной, какъ и нужно; если одна чумашка плыветъ впередъ другой, то аюнка идетъ на перекосы,—если же чумашки сходятся, то значить аюнка суживается. Аюнка длиною бываетъ отъ 40 до 50-ти сажени, шириной до 5-ти сажень ручныхъ. Рыболовъ внимательно также долженъ слѣдить за плавниками: если плавники стали опускаться въ воду, то рыбакъ начинаетъ стучать весломъ объ лодку; если есть калуга, то услыхавши шумъ, пугается

и начинает биться и запутываться въ сѣтяхъ. Когда рыбакъ удостовѣрится, что рыба есть, тогда зоветъ на помощь одну, двѣ лодки, которыя тутъ же поблизости плывутъ, и потомъ уже вмѣстѣ начинаютъ выбирать сѣтку (аюнку). Подтащивъ поближе калугу, моментально вонзаютъ въ нее чкогбо (гарпунъ) на веревкѣ и потихоньку подтаскиваютъ къ самой лодкѣ; только что калуга показалась на поверхности воды, сейчасъ же въ нее опять вонзаютъ большіе желѣзные крючья,—также на веревкахъ и тутъ уже калуга не сорвется. Ударивъ ее нѣсколько разъ по головѣ деревянной колотушкой, кладутъ ее къ счастливцу въ лодку и онъ довольный отправляется къ табору. Но нерѣдко бывають случаи, что калуга, попавъ въ аюнку, прорываетъ ее и уходитъ; но уйти совѣтъ ей нельзя, потому что со всѣхъ сторонъ плывутъ аюнки. Такимъ образомъ, спускаются въ водѣ версты 10 или 12. Если ничего не попадетъ, то заѣзжаютъ снова. Другому, какъ говорится, не „нафартитъ“,—такъ ѣздитъ все время и не поймаетъ ни одной калуги, а иной поймаетъ двѣ-три калуги,—пудовъ 20—25, и болѣе до сорока,—съ икрой. Икры въ трехъ калугахъ самое меньшее 10—12 пудовъ. Недѣланную икру продають отъ 12—15 рублей пудъ, а иногда и 18 рублей пудъ; кромѣ того, продають буреку (хрящи) по 1 рублю за фунтъ; мясо, если не продадутъ русскимъ на балыки, идетъ на юкалу, а это тотъ же хлѣбъ насущный для инородца. Рыбалка продолжается у нихъ дней двадцать и болѣе. А тутъ начинается у русскихъ покосъ и нѣкоторые изъ инородцевъ, ближайшихъ къ русскимъ деревнямъ, нанимаются косить и убирать сѣно, другіе же пускаются опять на промыселъ, „джахарить (ловить осетровъ)“. „Джахарка“,—это та же сѣтка въ одну сажень шириною и въ двѣ сажени длиною. Джахарять съ лодки непременно вдвоемъ: одинъ сидитъ на кормѣ, а другой въ носу. Къ концамъ нижней части джахарки привязывается по длинной толстой веревкѣ, а къ концамъ верхней части—по небольшому кольцу, сдѣланному изъ талины; въ эти кольца и продѣваются веревки, привязанныя къ низу джахарки. Кольца свободно двигаются по веревкѣ вверхъ и внизъ. На срединѣ верхней части джахарки привязываютъ тонкую длинную бичевку; чтобы джахарка потонула, къ концамъ нижней части привязываютъ два камня и джахарка спускается въ воду вплоть до дна. Лодку, вмѣстѣ съ сѣткою, едва несетъ по теченію; сидящій на кормѣ держитъ бичевку и конецъ толстой веревки, а другой рукой направляетъ весломъ лодку, чтобы она шла не вдоль а поперекъ рѣки. Бичевка держится туго, что бы джахарка была открытой. Рука сейчасъ же слышитъ, если напалась рыба; тогда бичевка опускается, край сѣтки сводится вмѣстѣ и изъ сѣтки получается мѣшокъ, изъ котораго рыбѣ выбраться никакъ нельзя. При удачномъ ловѣ въ джахарку сразу попадаетъ три-четыре осетра. Эта рыбалка продолжается все лѣто. Какъ нечего поѣсть, такъ и выѣзжаютъ джахарить.

Въ іюль мѣсяцъ идетъ „сизика“ (лѣтняя кѣта). Инородцы ловятъ ее неводами и готовятъ юкалу какъ себѣ, такъ и собакамъ. Въ

последних числах августа начинается показываться кэта. Инородцы ловят кэту неводами длиною отъ 30 до 50 саж. и шириною въ 3 саж. При хорошемъ ловѣ въ такой неводъ попадаетъ отъ 300 до 500 штукъ и больше. Рыбу эту ловятъ мужчины, а женщины чистятъ ее и рѣжутъ на разные лады, такъ что изъ одной рыбы получается четыре сорта юкалы,—для людей три сорта, а четвертый—для собакъ. Каждый сортъ вздѣвается на особую палку и вѣшается на вѣшала, устроенныя тутъ же на рыбалкѣ. Рыба до тѣхъ поръ виситъ на вѣшалахъ, пока совершенно не высохнетъ,—а ужъ готовую убираютъ въ амбары. Кроме юкалы стали инородцы и засаливать рыбу въ бочкахъ. Въ прошломъ году было нѣсколько случаевъ, когда инородцы продавали засольщикамъ рыбу по 75 коп. пудъ; это только начало, а, навѣрное, такой примѣръ найдетъ мною подражателей со стороны инородцевъ. Кэтовая рыбалка продолжается до самой поздней осени; да и, дѣйствительно, нужно же заготовить провизію, т. е. юкалы на 7 мѣсяцевъ какъ для себя, такъ и для собакъ, последнихъ же у много инородца штукъ 12—15 и болѣе. Числа 15—20 октября появляется шуга (ледъ), и идетъ до 5—8 ноября; иногда же ледъ становится и раньше. Въ продолженіи этого времени, инородцы ходятъ на охоту за бѣлками, рябчиками и хабарошкой (кабарга); уходить дня на два на три, потомъ приходитъ домой, поживуть нѣсколько дней и опять уходятъ. Въ последнихъ числахъ ноября, а то и въ первыхъ числахъ декабря, инородцы уходятъ на охоту ужъ мѣсяца на два-на три, а смотря по охотѣ и четыре мѣсяца проводятъ въ тайгѣ, вереть за 50 отъ стойбища и дальше. На мѣстѣ охоты устраиваютъ юрту вродѣ лѣтней; охотятся на соболей, лисицъ, хорьковъ, бѣлокъ, хабарошекъ и т. д. Случается, что убиваютъ и медвѣдя, но на медвѣдя охотятся только въ исключительныхъ случаяхъ и то въ силу необходимости, потому что, убивъ медвѣдя, нужно устраивать праздникъ, собирать гостей, а это для инородца составляетъ значительный расходъ. Съ изетари ведется у гыляковъ одинъ обычай, котораго у гольдовъ нѣтъ: въ силу этого обычая всякій, убившій медвѣдя долженъ обязательно устроить праздникъ; праздникъ же заключается въ томъ, чтобы досыта угостить гостей медвѣжьимъ мясомъ и хорошо напоить араки (водкой),—а иначе и праздникъ не въ праздникъ. На всѣхъ звѣрей инородецъ охотится съ ружьемъ, а на медвѣдя, кроме ружья, и съ копьемъ; на соболя, бѣлку, хорька и хабарошку ставятъ силки, выселживая мѣста, гдѣ они часто бѣгаютъ. Если соболь уходитъ въ нору или въ дупло, тогда разводятъ огонь и выкуриваютъ его, а на отверстіе нитиваютъ сѣтку; выжитый дымомъ звѣрекъ выскакиваетъ изъ норы и запутывается въ сѣткѣ,—а тутъ его и беретъ охотникъ. Средняя цѣна на соболя 12—15 рублей, на лисицу—крестовку 7 р. красновку 3—4 рубля, хорька 40—60 коп., бѣлку 15—20 к. хабарошку 4—6 руб. и выдра 1 руб.

Охота годъ отъ году становится все хуже и хуже. Раньше лѣтъ 5—6 тому назадъ каждый охотникъ въ среднемъ приносилъ соболей

отъ 8 до 10 и болѣе, а теперь самыи хорошии охотники приносятъ со-
 болей пять, а то и меньше, иѣкоторые же одного, двухъ, а кто и ни-
 чего, кромѣ трехъ четырехъ хабарошекъ, иѣсколькихъ бѣлокъ и хорь-
 ковъ. Съ охоты возвращаются инородцы въ концѣ февраля и въ началѣ
 марта, а иные въ концѣ марта, по послѣднему пути. Возвратясь съ
 охоты, инородцы вплоть до вскрытія Амура никуда не выходятъ и ни-
 чего не дѣлаютъ.—Собщеніе между инородцами происходитъ лѣтомъ
 на лодкахъ, а зимой на нартахъ. Лодка дѣлается изъ трехъ досокъ:
 одна идетъ на дно, а двѣ по бокамъ, причемъ днище выгибаютъ
 для того, чтобы лодка легче скользила на водѣ. Чтобы лодка не под-
 давалась скоро гніенію, всѣ три доски обжигаютъ на огнѣ. Лодки дѣ-
 лаются одногребныя, двухгребныя, трехъ и даже четырехгребныя, т. е.
 въ 8 весель. При вѣтрѣ натягиваютъ парусъ. Средняя лодка поднимаетъ
 до 10 человекъ.—Въ нарты запрягаются собаки. Нарты бываютъ
 двоякаго рода: во 1-хъ, для перевозки груза и въ 2-хъ, для проѣзжаю-
 щихъ. Въ нарты запрягаются отъ двухъ до 15 собакъ.—По своимъ рели-
 гиознымъ вѣрованіямъ голыды прежде преданы были шаманству, но те-
 перь благодаря Господа Бога шаманы, а съ ними и шаманство, усту-
 паютъ свое мѣсто православнымъ миссіонерамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и
 язычество исчезаетъ предъ свѣтомъ истиннаго ученія Господа Нашего
 Иисуса Христа.

Протоіерей

Симеонъ Тихвинскій.

Перспективы православно-приходской жизни.

Законъ 6 ноября 1906 г. о переходѣ крестьянъ съ общиннаго въ от-
 рубное и хуторское землепользованіе долженъ произвести полную пере-
 мѣну какъ въ физіономіи, такъ и въ жизни русской деревни. Вмѣсто
 теперешнихъ большихъ селъ и деревень мы увидимъ, съ проведеніемъ
 въ жизнь упомянутаго закона, разбросанные тамъ и сямъ отдѣльные
 поселки въ одинъ или иѣсколько крестьянскихъ дворовъ; все хозяйство
 крестьянина будетъ у него подъ рукою, въ одномъ мѣстѣ, вокругъ
 его дома. Безъ сомнѣнія, это повлечетъ за собою улучшеніе матеріаль-
 наго положенія крестьянина, но за то кореннымъ образомъ измѣнитъ
 его жизнь и отразится на характерѣ. Тѣ общительность и добродушіе,
 которыми отличается русскій народъ, обязаны своимъ происхожденіемъ,
 въ значительной степени, общинной жизни нашего крестьянства, жизни
 на міру. Искони нашъ крестьянинъ привыкъ, чтобы кругомъ его кипѣла
 жизнь; каждый день, каждый часъ онъ видѣлъ своихъ сосѣдей,
 обращался къ нимъ за совѣтомъ и помощью, дѣлился съ ними впечат-
 лѣніями, учился у нихъ уму-разуму. Эти качества — взаимопомощь и
 общеніе суть основы русской общинной жизни и неизбѣжныя ея спут-

ники. Уничтожится община — пострадаютъ и вытекающія изъ нея качества русскаго крестьянина — общительность и доброта. При отрубномъ и хуторскомъ землепользованіи кругомъ будутъ одни поля и луга, не съ кѣмъ будетъ подѣлиться впечатлѣніями, отвести душу въ пріятельской бесѣдѣ, не будетъ возможности кажущейся частью, каждую минуту пойти къ сосѣду и получить отъ него добрый совѣтъ и помощь; въ силу необходимости онъ будетъ предоставленъ самому себѣ, будетъ думать и заботиться только о себѣ лично и своемъ семействѣ. Дѣла, касающіяся всего общества, отойдутъ на задній планъ, потеряютъ тотъ интересъ, какой они имѣли при общинѣ. Такимъ образомъ, незамѣтно, противъ воли самихъ крестьянъ, въ ихъ характерѣ появится необщительность и эгоизмъ. Что это не только слова, что такъ будетъ на самомъ дѣлѣ, въ этомъ насъ убѣждаетъ примѣръ прибалтійскаго крестьянства. Въ Прибалтійскомъ краѣ давно уже перешли на отрубное хозяйство, замѣнивъ имъ бывшее когда-то общинное землепользованіе. И что же? По добродушію и привѣтливости, по отзывчивости къ горю и несчастью ближняго, прибалтійскій крестьянинъ въ значительной степени уступаетъ русскому крестьянину. Крестьянинъ Прибалтійскаго края въ общей массѣ своей зажиточнѣе нашего, но за то онъ не такъ легко и скоро идетъ на помощь своему ближнему; онъ работаетъ упорнѣе и постояннѣе русскаго пахаря, но за то не такъ ласковъ и обходителенъ, какъ русскій. Мы не склонны приписывать черствость и угрюмость крестьянина Прибалтійскаго края исключительно отсутствію здѣсь общины: задатки этихъ качествъ, несомнѣнно, самой природой заложены въ его характерѣ, но все же эти качества развились до степени доминирующихъ именно вслѣдствіе условій жизни здѣшняго крестьянина, лишеннаго возможности находиться въ непрерывномъ общеніи со своими однообщниками.

Какъ ни относиться къ тому факту будущаго, что русская деревня по всей матушкѣ Россіи измѣнитъ свой внѣшній обликъ, и русскій крестьянинъ будетъ нѣсколько инымъ, такъ какъ болѣе не будетъ жить общиннымъ хозяйствомъ, но необходимо учесть его и подготовиться ко всѣмъ возможнымъ послѣдствіямъ. Въ особенности необходимо это сдѣлать нашему духовенству. Несомнѣнно, что служба послѣдняго будетъ значительно труднѣе при расселеніи крестьянъ по отдѣльнымъ земельнымъ участкамъ. Теперь деревенскій приходъ состоитъ изъ села, гдѣ находится церковь, и извѣстнаго числа деревень. Совершая молебствіе, водосвятіе по домамъ прихожанъ, священникъ переходитъ изъ дома въ домъ сравнительно легко и скоро, такъ какъ въ каждой отдѣльной ячейкѣ прихода — въ селѣ или въ деревнѣ — крестьянскія избы стоятъ близко одна къ другой, часто даже стѣна въ стѣну. Совсѣмъ другое дѣло будетъ, когда съ проведеніемъ въ жизнь закона 6 ноября 1906 г. приходъ будетъ состоять изъ большого количества поселковъ; вмѣсто теперешнихъ нѣсколькихъ центральныхъ

мѣсть (село и деревни) приходъ раздробится на множество мелкихъ единицъ изъ 4—5 крестьянскихъ избъ. Не говоря уже о томъ, что отдѣльныя избы въ будущемъ поселкѣ не будутъ такъ близко стоять одна къ другой, какъ теперь, самыя поселки будутъ отдѣлены другъ отъ друга разстояніями въ нѣсколько верстъ, такъ что окружность всего прихода выразится въ десяткахъ верстъ. Исходить пѣшкомъ эти разстоянія не будетъ ни силъ ни времени. Придется ѣздить на подводахъ, но и при этомъ передвиженіи потребуеется масса времени при нашихъ плохихъ дорогахъ, во время снѣжныхъ заносовъ зимой или вообще въ дурную погоду.

Отдаленность прихожанъ отъ церкви и причта послужитъ большимъ тормазомъ въ развитіи церковно-приходской жизни. Живя далеко отъ церкви, прихожанинъ долженъ будетъ ѣздить къ церковной службѣ на лошади. Но не каждый прихожанинъ можетъ имѣть лошадь; кромѣ того, не всегда возможно ѣхать на лошади, которая передъ тѣмъ долго и много работала, а потому требуетъ отдыха. Придется часто и многимъ крестьянамъ ходить въ церковь пѣшкомъ. Конечно, и теперь они ходятъ въ церковь пѣшкомъ, но теперь это близко и потому не такъ трудно. При расселеніи же крестьянъ по хуторамъ ходить въ церковь къ службѣ будетъ значительно дальше теперешняго; послѣ тяжелаго недѣльнаго труда не всякому захочется жертвовать своимъ воскреснымъ отдыхомъ и идти за нѣсколько верстъ въ церковь, да еще по худой дорогѣ, въ плохую погоду или въ темнотѣ. Дождь и снѣгъ, морозъ и сильный вѣтеръ и разныя другія причины, круныя и менкія, не мѣшающія собраться въ церковь, когда она близка, будутъ удерживать отъ посѣщенія богослуженія многихъ и многихъ при значительномъ разстояніи ихъ жилья отъ церкви. Малѣйшее недомаганіе, на которое не обращается вниманія, когда церковь находится всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженией отъ дома, будетъ, при большомъ разстояніи церкви, уже непреодолимымъ препятствіемъ къ посѣщенію храма Божія. Все это нищему настоящаго строка довелось наблюдать самому и слышать какъ отъ лютеранскихъ пасторовъ, такъ и отъ православныхъ священниковъ Прибалтійскаго края. Въ деревенскихъ православныхъ приходахъ этого края, состоящихъ часто изъ малоземельныхъ крестьянъ, мизныхъ батраковъ и бобылей, живущихъ далеко отъ приходской церкви и разбросанно, богослуженіе посѣщается очень мало, что объясняется только дальностью ихъ жилья отъ церкви. То же самое говорятъ и пасторы. Какъ только погода стала хуже или—дороги испортились, такъ сейчасъ же число молящихся уменьшается, и наоборотъ,—получше погода и дороги,—церковь полна. Число годовныхъ посѣщеній церкви лютеранами въ среднемъ едва достигаетъ 10, вообще подвергаясь сильнымъ колебаніямъ. Нѣкоторыхъ своихъ прихожанъ, живущихъ далеко отъ церкви или очень бѣдныхъ, пасторы годами не видятъ въ церкви, такъ что приходится говорить проповѣди

на тему о рѣдкомъ посѣщеніи церкви. Этого же нужно опасаться и нашему сельскому духовенству. При общинномъ землепользованіи священникъ имѣлъ всѣхъ прихожанъ у себя на глазахъ; вся жизнь прихожанина отъ дѣтскаго возраста и до глубокой старости проходила на глазахъ священника, при постоянномъ его духовномъ руководствѣ. Священникъ посѣщалъ прихожанъ не только по служебнымъ обязанностямъ, для совершенія церковныхъ требъ и службъ, но и по разнымъ частнымъ случаямъ, заходилъ къ нимъ просто для бесѣды. Приходъ представлялъ изъ себя одну большую сплоченную семью, отецъ которой—священникъ—зналъ лично каждого члена своей семьи, воспитывалъ и руководилъ его духовною жизнью; всякія сомнѣнія и колебанія, разныя вопросы въ области религіозной жизни, возникавшіе у прихожанъ, разрѣшались священникомъ легко и просто во время дружеской бесѣды, ничего недосказаннаго и неяснаго въ ихъ отношеніяхъ не было. Зная хорошо своихъ прихожанъ, священникъ могъ предупредить возникновеніе и распространеніе всякихъ лжеученій, пользуясь своею близостью и авторитетностью въ своей семьѣ.

Положеніе должно совершенно измѣниться, когда приходъ будетъ разбитъ на мелкіе куски, разобщенные отъ приходской церкви и причта большимъ разстояніемъ. Между священникомъ и его приходомъ вырастетъ стѣна, и горе тому пастырю, котораго эта стѣна совершенно закроетъ отъ глазъ его паствы. Пастырь останется одинъ, но паства будетъ разбросана по разнымъ и далекимъ мѣстамъ, и услѣдить за нею будетъ не легко. Когда стадо духовнаго пастыря находится все вмѣстѣ, тогда легче его пасти, но когда всѣ овцы стада разойдутся по обширному пастбищу, тогда легко можетъ случиться, что нѣкоторые изъ нихъ сойдутся съ истиннаго пути, не видя и не слыша голоса своего пастыря, а нѣкоторыхъ похититъ волкъ. Въ особенности этого нужно бояться въ наше смутное время, когда враги православія стремятся похитить у народа вѣру. Ц. В.

ПАСТЫРСКАЯ ПРОПОВѢДЬ.

Православная Церковь переноситъ теперь тяжелыя испытанія и невзгоды. Эти невзгоды всею тяжестью легли на согбенныя плечи духовенства. Жизнь, которая раньше текла спокойно по установившемуся руслу, въ настоящіе годы вышла изъ своего русла и превратилась въ широкую многоводную рѣку, которая, разлившись, хочетъ сокрушить на своемъ пути всѣ преграды. Современное невѣріе широкой волной охватило народныя массы, общественно-бытовые устои народной жизни потрясены, и произведено въ народной душѣ этическое и религіозное опустошеніе.

Слова Маркса: „религія есть опиумъ для народа“, выражаютъ едва-ли не общее убѣжденіе прадставителей радикализма и социализма. И не только города, но и наши деревни не свободны теперь отъ разныхъ живыхъ вѣяній. Печатно и устно, со всею послѣдовательностью, идетъ религіозно-нравственный развалъ жизни народа. Лѣвыя книгоиздательства щедро снабжаютъ наши деревни брошюрами и книгами антирелигіознаго и противо-нравственнаго характера. Нельзя не удивляться ихъ нахальству въ этомъ родѣ, когда многіе книжные магазины высылаютъ народу и намъ батюшкамъ книги возмутительнаго содержанія съ уплатой наложеннаго платежа за нихъ, а то и даромъ. Не малый индифферентизмъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности среди нашихъ простолудиновъ производятъ словами и дѣлами возвращающіеся изъ американскихъ заработковъ эмигранты. Ихъ вліяніе на народъ очень сильно и дѣйствено, какъ своихъ среди своихъ. Встрѣчаются также нерѣдко мѣстами въ деревняхъ интеллигенты и полунинтеллигенты съ социальнымъ духомъ, какъ распространители своихъ идей.

Иновѣрцы и сектанты, пользуясь дарованной имъ свободой, тоже дѣлаютъ свое дѣло.

Грустно и больно становится отъ всего этого пастырю: особенно, если принять во вниманіе то, что современное невѣріе слишкомъ самоувѣренно и дерзко; заинтересованное не столько въ истинѣ, сколько въ достиженіи своихъ практическихъ цѣлей, оно идетъ на проломъ, пользуясь всеми средствами, чтобы загниотизировать толпу и сдѣлать ее покорнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ.

Что-же намъ пастырямъ, послѣ всего этого, остается дѣлать? Есть у насъ для борьбы со врагами одно вѣрное средство—мечъ духовный. И чтобы вести пасомыхъ во слѣдъ Христу, пастырю нужно честно выполнить свой долгъ—ревностно проповѣдывать слово Божіе. Каждому пастырю учителю необходимо вспоминать почаще слова Апостола: „Горе мнѣ, аще не благовѣствую“, или предостереженіе Св. Тихона священникамъ: „Крайне берегитесь молчать“. Нынѣ настало такое время, что церковное учительство должно быть частымъ, какъ въ первые вѣка христіанства.

Что же касается способа произношенія проповѣди, то никто, конечно, не станетъ спорить съ тѣмъ, что всякому пастырю Церкви необходимо теперь умѣніе говорить свободно. Но если кто-либо не можетъ пользоваться этимъ чуднымъ даромъ, то не предосудительно будетъ прочитать народу и печатную проповѣдь. Вѣдь безъ сомнѣнія больше пользы для пасомыхъ, если священникъ скажетъ, хотя-бы и чужую проповѣдь, чѣмъ промолчать и не предложить имъ никакого назиданія. Духовная печать послѣдняго времени стала значительно богата церковною проповѣдью и церковнымъ учительствомъ,

Однимъ словомъ, проповѣдываніе слова Божія въ наше время такимъ или инымъ способомъ очень важно и необходимо, какъ средство воздѣйствія на совѣсть и чувство насомыхъ. И къ этому обязываетъ насъ пастырей нравственный долгъ и требованіе времени.

Вол. Е. В.

Свящ. Андроникъ Рыбчинскій.

Незамѣтные герои.

Разсказъ Н. Р. Политура.

Село «Низовье» широко раскинулось среди поля, и въ сумеркахъ ранняго, весеняго вечера, казалось, слилось съ нимъ. Мелкій, теплый дождикъ непрерывно шумѣлъ по крышамъ избъ, по оголеннымъ вѣткамъ деревьевъ и закрывалъ дымкой слабой полоской пробивающійся изъ оконъ свѣтъ. Густой, весенній воздухъ былъ насыщенъ запахомъ талой земли и размякшаго «пара».

Кругомъ темно и тихо. И въ этой тишинѣ, несмотря на дождь и тусклое, темное небо, точно трепетала скрытая радость близкаго тепла и солнца.

Но отецъ Василій не ощущалъ этой радости пробуждающейся жизни. Стоя на крыльцѣ церковнаго дома у сельскаго погоста, онъ смотрѣлъ на длинную улицу села, и въ его карихъ глазахъ вспыхивалъ по временамъ шепотъ и мука.

Глухой звукъ голосовъ заставилъ его вздрогнуть; онъ насторожился. Но голоса пропали какъ то сразу, точно оборвались, и опять настала тишина. Отецъ Василій глубоко вздохнулъ, сѣлъ на ступеньки крыльца, растерянно улыбаясь и точно прислушиваясь къ молчавшему селу. Задумался. Въ этой странной, неестественной тишинѣ, онъ улавливалъ торжество смерти, и зналъ, что во многихъ избахъ, въ большихъ и малыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ, идетъ отчаянная борьба со страшнымъ врагомъ—тифомъ. Эпидемія, неожиданно разразившаяся надъ селомъ, мѣсяць назадъ, каждый день уносила десятки жертвъ, и каждый день длинная вереница гробовъ тянулась къ погосту. И онъ точно слышалъ стоны умирающихъ, слезы, проклятія, мольбу. Эта мука жила въ его душѣ; а теперь, съ болѣзнию жены, она стала еще острѣе, еще мучительнѣе.

— Неужели она умретъ?,—думалъ онъ, и ужасъ сковалъ все его существо; острое чувство злобы на кого-то и на что-то поднялось откуда-то изъ невѣдомыхъ уголковъ души и захватило его. Онъ всталъ, вышелъ на дворъ и, не замѣчая дождя, ходилъ большими тяжелыми шагами.

— Батюшка!

Онъ вздрогнулъ. На крыльцѣ стояла Даша.

— Тебѣ что?! И въ глазахъ его мелькнулъ испугъ.

— Матушка зоветъ.

Отецъ Василій какъ-то сразу выпрямился и, тихо ступая большими ногами, вошелъ въ комнату больной, въ ихъ спальню, и остановился у порога. Слабый свѣтъ лампы точно боролся со свѣтомъ лампы у образа и освѣщалъ лицо больной.

Отецъ Василій чуть слышно подошелъ къ кровати и сѣлъ въ кресло.

Больная не шевелилась; съ полузакрытыми глазами, съ припухшими, красными вѣками и съ какимъ-то тупымъ, безчувственнымъ выраженіемъ въ лицѣ, она казалась мертвой.

Отецъ Василій смотрѣлъ на нее и не узнавалъ въ этой, казалось, теперь незнакомой, женщинѣ, своей жены, высокой, красивой и здоровой Кати. Все езяла странная болѣзнь.

Онъ помнитъ этотъ ужасный день, когда она, измучившись отъ работы въ душныхъ избахъ больныхъ крестьянъ, заболѣла ночью. Но на утро другого дня, несмотря на уговоры его и доктора, опять пошла на борьбу со смертью, и окончательно свалилась. Отецъ Василій приподнялся и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ты?!—тихо проговорила она, очнувшись.

— Я... я... Катя!!—почти закричалъ онъ, срывающимся голосомъ и упалъ на колѣни передъ ея изголовьемъ.

— Не плачь... полно!—тихо, точно въ забытьѣ, говорила она и громко добавила:— пить!

Отецъ Василій вкочилъ съ колѣнъ и подалъ воды. Больная пила жадно, стуча по стакану зубамъ.

Незамѣтно для нихъ въ комнату вошла Даша и остановилась въ дверяхъ. Отецъ Василій замѣтилъ ее, опуская больную на подушки, и махнулъ ей рукой.

— Ты что, Даша?!—слабо спросила больная.

— За батюшкой,—тихо отвѣтила Даша.—Тихонъ умираетъ!

— Иди... иди!!—быстро говорилъ отецъ Василій.—Скажи имъ, что я не могу, сама видишь!

Даша стояла. Больная опять была въ забытьѣ. Отецъ Василій, блѣдный, крѣпко сжималъ руками голову.

Наступило тяжелое молчаніе,

— Ты еще здѣсь?!—вдругъ проговорила больная съ необыкновенной для нея силой.—Иди!

— Но какъ же ты?.. Я не могу!—мучительно вырвалось у отца Василя.

— Иди!—повторила больная.

Сгорбившись, съ потухшими глазами, съ мукой бури въ душѣ, вышелъ отецъ Василій изъ комнаты, машинально одѣвъ шапку и молча пошелъ за крестьяниномъ. Всею дорогою, до другого края большого села, они шли молча, и кругомъ было тихо и мертво. Казалось смерть смотрѣла изъ угловъ и въ зловѣщей тишинѣ дрожали слезы, мольба и проклятіе.

Черезъ два часа измокшій, прозябшій отъ сырости, отецъ Василій вернулся домой.

Въ ихъ маленькой, когда-то уютной гостиной, полной цвѣтовъ, теперь безпорядочной, спалъ на диванѣ докторъ. Въ грязныхъ сапогахъ, въ промокшемъ пальто, онъ, видно, какъ сицѣль, такъ и заснулъ, упавъ на диванъ. Яркій свѣтъ лампы освѣщалъ его блѣдное худое лицо съ небольшою, черной бородкой.

Отецъ Василій долго стоялъ передъ нимъ, всматриваясь въ его молодое, переутомленное лицо, и тихо вошелъ въ комнату больной.

— Что?!—шопотомъ соросилъ онъ Дашу.

— Спать!—такъ-же шопотомъ отвѣтила она.—А безъ васъ ужь очель плохо ей было, хорошо что Николай Ивановичъ пришелъ.

Отецъ Василій подошелъ къ столу, зачѣмъ-то перебралъ нѣсколько баночекъ съ лекарствами; и тихо вышелъ.

Докторъ спалъ попрежнему. Отецъ Василій подложилъ подъ его голову подушку, убавилъ свѣтъ лампы и сѣлъ къ столу.

Сердце ныло томительно больно. Страшная анатія сковала уставшее тѣло. Голова болѣла, и острая необъяснимая злоба опять просыналась въ немъ.

Большіе стѣнные часы мелодично пробили девять. Отецъ Василій всталъ и, заложивъ за спину руки, ходилъ по комнатѣ.

Осторожные шаги на крыльцѣ разбудили его.

Онъ вспыхнулъ и его всегда доброе лицо стало злымъ и отталкивающимъ.

— Опять, Господи!—почти крикнулъ онъ и схватился за голову.—Я самъ, кажется, боленъ,—мелькнуло въ его головѣ. И вдругъ онъ почувствовалъ страшную усталость и слабость во всемъ тѣлѣ и боль въ груди.

За дверью послышался робкій камель, но никто не шелъ. Отцу Василю стало страшно. Страхъ непонятный, кошмарный охватилъ его, онъ почти бѣгалъ по комнатѣ.

За дверью олять закашляли.

Отец Василий широко открытыми глазами смотрѣлъ на дверь и вдругъ бросилъ къ доктору.

— Докторъ!. Николай Ивановичъ!..—тихо говорилъ, онъ дрожа.

Докторъ слабо простоналъ во снѣ, полуоткрылъ глаза и опять забылся.

— Докторъ!!...—почти закричалъ отецъ Василий и схватилъ его за плечо.

Докторъ быстро соскочилъ и, стоя у дивана, казалось, продолжалъ спать, что-то бормоча.

Мистическій страхъ отца Василия какъ-то сразу пропалъ. Онъ взялъ доктора и, какъ ребенка, положилъ на диванъ и вышелъ на крыльцо.

Въ тѣмнотѣ двора кто-то стоялъ.

Кто тамъ?!—хрипло крикнулъ отецъ Василий.

— Я, батюшка!—и крестьянинъ Трофимъ подошелъ къ крыльцу. — Потому сегодня моя очередь,—комкая шапку, продолжалъ онъ.—Може что помочь нужно?

Какой-то острый комокъ подкатился къ горлу отца Василия и выжалъ слезы изъ воспаленныхъ глазъ.

— Спасибо, братъ!—ласково сказалъ онъ, протягивая крестьянину руку.

— Не за что, потому, ты намъ, а мы тебѣ... Такъ самоварчикъ поставить?.. А только, батюшка, ты извини, для доктора я водочки принесъ, совѣтъ замучился, сердечный!

И онъ быстро, точно стѣняясь своего приношенія, ушелъ въ кухню. Отецъ Василий вернулся въ гостиную и сѣлъ въ кресло. Теперь ему было легко. Крестьяне, съ перваго дня болѣзни его жены, добровольно высылали для услугъ парня и дѣвушку. И эта безкорыстная, истинная любовь ихъ вливала въ его душу силу и крѣпость.

— Они насъ любятъ и доктора,—думалъ онъ,—а мы должны любить ихъ: они добрые, только темные.

И опять тоска захватила его.

Сколько борьбы, муки, труда вложили они въ борьбу со странной эпидеміей, и все это разбивалось о невѣжество самихъ же крестьянъ.

Сколько было острыхъ споровъ, непріязни, пока они внушили имъ необходимыя мѣры борьбы.

И опять мучительный вопросъ: кто-же виноватъ въ этомъ невѣжествѣ, сталъ передъ нимъ. И онъ невольно обернулся къ саящему доктору.

— Молодецъ-горячъ,—думалъ онъ. И вспоминая свои споры съ докторомъ, горячіе, острые, онъ свѣтло улыбнулся.

— Мы всё виноваты,— продолжалъ думать отецъ Василій.— Всё, а не отдѣльные люди виновны: я, онъ, учителя и самъ народъ.

Изъ конаты больной послышался слабый стонъ. Отецъ Василій порывисто бросился туда.

Больная металась въ страшномъ жару и вдругъ закричала; крикъ былъ удушливый, съ глухимъ клокотаніемъ въ горлѣ.

Отецъ Василій, блѣдный, испуганный, держалъ ее за слабыя руки и почти безсознательно порторялъ: «Каля, Катя!»

Пальцы больной больно впились въ его руки.

Дана дѣловито, хладнокровно влила въ ротъ больной лекарство, и больная замолкла.

Тяжело дыша, она лежала, какъ мертвая, и только глухое внутреннее клокотаніе вырывалось изъ полуоткрытыхъ губъ. И вдругъ дикимъ порывистымъ движеніемъ почти соскочила съ кровати. Ее осторожно уложили, но она продолжала бороться, стонать, плакать и метаться, съ искаженнымъ, страшнымъ лицомъ.

— Смерть! Отецъ Василій слишкомъ много видѣлъ за это ужасное время смертельной агоніи, чтобы не узнать ее.

Съ мрачнымъ, окаменѣлымъ лицомъ онъ старался удержать больную. Больная билась. Холодный потъ крупными каплями покрылъ открытый лобъ отца Василія и онъ бросился къ доктору.

— Николай Ивановичъ!.. Николай Ивановичъ!— сильно трясъ онъ его за плечи.

Докторъ мычалъ что-то непонятное.

— Николай Ивановичъ, она умираетъ!.. — кричалъ отецъ Василій.— Умираетъ!!

Николай Ивановичъ всталъ и глядѣлъ на него воспаленными глазами.

— Я сейчасъ, сейчасъ, идите!.. Я сейчасъ!— твердилъ онъ и шатаясь вышелъ въ кухню.---

— Трофимъ!— хрипло крикнулъ онъ.— Воды!

Холодная вода освѣжила голову доктора и онъ пошелъ въ комнату больной.

Больная металась...

Черезъ полчаса она успокоилась, и они вошли въ гостиницу. На столѣ стоялъ самоваръ, и стояли: хлѣбъ, масло и водка. Отецъ Василій молча налилъ чаю себѣ и доктору.

— Нѣтъ, я сперва водки выпью,— сказалъ докторъ, криво улыбаясь, и выпилъ большой стаканъ, лѣнливо закусывая соленой рыбой.

Отецъ Василій осторожно наблюдалъ за нимъ, но ему до боли хотѣлось спросить о женѣ и что-то удерживало. Онъ видѣлъ, что она умретъ, но пекорка надежды еще теплилась въ его груди, и онъ боялся погасить ее.

А докторъ все такъ же лѣнливо пережевывалъ рыбу.

Тишина квартиры, прерываемая стономъ больной, становилась тяжелой, удушливой.

Хотѣлось говорить, кричать, чтобы заглушить этотъ ужасъ, но говорить было нечего.

— Господи! Когда же, наконецъ, угаснетъ эта эпидемія?!—глухо проговорилъ отецъ Василій.

— Когда мы поумиѣемъ и будемъ сыты,—устало проговорилъ докторъ, и сталъ пить чай.

— Вы все про старое!—точно отъ боли поморщился отецъ Василій.

— Нѣтъ, это вы про старое!!—вдругъ вспыхнулъ докторъ, смотря на него острымъ, воспаленнымъ взглядомъ.—Старое,—повторилъ онъ съ нехорошей улыбкой на блѣдномъ, истомленномъ лицѣ,—про терпѣніе, про покорность... ха, ха, ха!

Онъ всталъ и нервно ходилъ по комнатѣ, по временамъ размахивая руками и что-то бормоча.

Отецъ Василій сидѣлъ, опустивши на грудь голову.

— Вотъ вы, отецъ Василій!—неожиданно для него раздался хриплый голосъ доктора, и онъ вздрогнулъ подъ его воспаленнымъ взглядомъ... Вы все говорите всегда о терпѣніи, о карѣ Бога за грѣхи; а я говорю—это ложь!.. Тутъ нѣтъ гнѣва Бога. Судите сами,—продолжалъ онъ, задыхаясь:—Екатерина Степановна отдала себя, свою душу, тѣло, для другихъ, чужихъ ей людей, чтобы спасти ихъ отъ смерти. И за это теперь умираетъ.. Это, по вашему, кара Бога?!

Отецъ Василій соскочилъ съ кресла. Тяжелымъ молотомъ ударили его слова доктора;

— Умираетъ.

Они стояли другъ противъ друга, блѣдые, съ горящими глазами, точно безумные, готовые броситься другъ на друга, растерзать себя и другихъ.

— Да, умираетъ!—звонящимъ, какъ туго натянутая струна, голосомъ продолжалъ докторъ.

— Умираетъ потому, что не рассчитала своихъ силъ, потому что забыла себя для другихъ, не береглась... Великій подвигъ любви ее раздавилъ, надорвалъ, и она умираетъ... Вы понимаете? Она герой! Она своей самоотвер-

женной любовью поддерживала въ насъ силу, вѣру, и мы шли за ней.. Она знала, чѣмъ рискуеть, и все таки шла, не спала ночей, и сгорѣла!

— Сгорѣла!—глухо проговорилъ отецъ Василій и безсилно упалъ въ кресло.

— Да, сгорѣла!—махнулъ рукою докторъ и опять сталъ быстро ходить по комчатѣ.

Отецъ Василій, согнувшись и точно сразу состарившись, неподвижно сидѣлъ. Теперь онъ былъ почти спокоенъ. Искорка надежды погасла и кругомъ его былъ тупой мракъ и холодъ. Мысль работала спокойно, туно.

— Сгорѣла,—машинально повторялъ онъ страшныя слова.—И онъ «сгорить»,—думалъ отецъ Василій о докторѣ. Онъ зналъ, что въ теченіе эпидеміи докторъ почти не раздѣвался, не спалъ ночей и разъ. возвращаясь отъ умирающаго, отецъ Василій неожиданно натолкнулся на доктора. Тотъ стоялъ въ глубинѣ крестьянскаго двора, прижавшись къ овину, и истерично плакалъ. Отецъ Василій ушелъ незамѣтно.

— Сгоритъ, сгоритъ,—думалъ онъ, ссторожно наблюдая за ходившимъ докторомъ.

И вдругъ странная мысль что она умираеть, обожгла его. Онъ соскочилъ и бросился къ больной.

—Что съ вами?.. Оставьте, хуже будетъ,—схватилъ его за плечи Николай Ивановичъ.

— Умираеть!—глухо стоналъ отецъ Василій.

— Ну, да! казалось, равнодушно отвѣтилъ докторъ и насильно посадилъ его въ кресло.

—Развѣ мы съ вами,—продолжалъ онъ,—не привыкли къ смерти?.. Полноте!.. Успокойтесь!—мягко и ласково продолжалъ онъ, садясь рядомъ.— Можетъ быть кризисъ благополучно кончится. Да онъ и кончился бы благополучно,—почти крикнулъ онъ, ударивъ рукой по колѣну,—есая бы она не была такъ истомлена работой.

Онъ налилъ еще водки и залпомъ выпилъ.

— А вы успокойтесь, я сдѣлаю все, что можно.

Отецъ Василій молчалъ; онъ не слышалъ словъ доктора, весь отдавшись страшной апатіи.

—Да что съ вами?—и докторъ всталъ и съ безспокойствомъ заглянулъ въ его глаза.

Отецъ Василій вдругъ какъ-то весь опустился и заплакалъ.

— Ну, вотъ, ну вотъ!—твердилъ докторъ.—Вы гоучно ребенокъ? Я не узнаю васъ.

— Ребенокъ?!—и отецъ Василій соскочилъ со стула, дико смотря на доктора.

— Ребенокъ?!—задыхаясь, кричалъ онъ.— Нѣтъ это они, они взяли ее у меня, убили!! Но я не уйду отъ нея!.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Нѣтъ той силы, которая теперь отзоветъ меня отъ нея!

— Да кто же вамъ мѣшаетъ?—тихо проговорилъ докторъ и улыбнулся.—Только успокойтесь!

— Я спокоенъ, я больше чѣмъ спокоенъ,—твердилъ отецъ Василій, ходя по комнатѣ.—Я пойду къ ней.

— Этого не нужно дѣлать!—остановилъ его докторъ.—Сядьте!.. Который теперь часъ?.. Одиннадцать? Ну, вотъ, а главное будьте какъ я, не волнуйтесь, берегите себя.

— Это говорите вы? Вы бережете себя?—удивился отецъ Василій.

— Да, я, а вы что же думаете?—и легкая краска смущенія залила лицо доктора.—А вы не спите почей, надрываетесь... Эхъ, что тутъ говорить!—махнулъ рукой докторъ.

— Николай Ивановичъ!—мигко заговорилъ отецъ Василій.—Голубчикъ, Дорогой, не вамъ бы говорить это. И онъ крѣпко пожалъ ему руку. И недавняя апагія ушла, пропала, опять въ груди явилась надежда и сила борьбы.

— Да вы что, смѣтаетесь?—разсердился докторъ и всталъ.

Изъ комнаты больной раздался громкій стонъ. Дверь полуоткрылась и показалось тревожное лицо Дани. Докторъ всталъ и ушелъ къ больной.

— Ничего!—черезъ минуту проговорилъ онъ, входя.—Можетъ быть, спасемъ.. Вы уснули! Усните, я буду тамъ, потомъ разбужу Васъ.

— Нѣтъ, я буду сидѣть...—горячился отецъ Василій.

Ихъ споръ прервалъ вошедшій Трофимъ.

— Тебѣ что?—спросилъ докторъ.

— Къ батюшкѣ, вишь,—смущенно проговорилъ Трофимъ, отходя въ сторону. И изъ-за его спины какъ-то сразу выросъ мужикъ безъ шапки и низко поклонился.

— Ты откуда?—всматриваясь въ незнакомаго мужика, спросилъ отецъ Василій.

— Изъ Каменки, что за рѣкой. Я за вами, батюшка,—продолжалъ онъ, входя въ комнату.—Нашъ отецъ Иванъ за десять верстъ уѣхалъ, а жена, вишь...—и онъ заплакалъ...—Ступай, гритъ, за отцомъ Васиіемъ, вишь—безъ покаянія умирать боится... До утра-то не дотянуть.

— Да ты подожди!—остановилъ его докторъ. Какъ ты попалъ сюда, вѣдь на рѣкѣ ледъ идетъ?

— Оно точно!.. Да вишь мы съ парнишкой на лодкѣ... Да и тихо ночь.

— Тихо?—переспросилъ отецъ Василій.

— Этого нельзя сказать,—глухо проговорилъ Трофимъ.—Вѣтеръ крѣпчаетъ.

— Оно точно!—быстро обернувся къ нему мужикъ.—Крѣпчаетъ, да никто, какъ Богъ... Ужъ ослобони, батюшка, ея душу!

И онъ неожиданно для всѣхъ повалился на колѣни.

— Встань!.. Что ты!—бросился къ нему докторъ.

Отецъ Василій барабанилъ пальцами по столу. Его очень блѣдное лицо съ рѣзкой и глубокой складкой между бровей было неподвижно, точно застыло.

— Ты говоришь, отецъ Иванъ къ утру не поспѣетъ?

— Не поспѣетъ, батюшка, не поспѣетъ!—точно обрадовался мужикъ.

Это безуміе,—тихо проговорилъ докторъ, смотря на отца Василя.

Нѣсколько минутъ они смотрѣли другъ на друга, точно присматриваясь или спрашивая совѣта, и въ эти недолгія минуты какъ-то сразу почувствовали необыкновенную близость между собою; что-то родное, свѣтлое и сильное соединило ихъ и прежнія рѣзкія несогласія взглядовъ, острые споры, послѣ которыхъ оставался тяжелый осадокъ въ душѣ, сгладились, даже забылись. Чувство любви къ этимъ темнымъ людямъ, ярко горѣвшее въ ихъ груди, соединило ихъ неразрывно, заставило забыть личное горе.

— Такъ что же дѣлать?—тихо проговорилъ отецъ Василій. Но онъ уже зналъ, что побѣдетъ, зналъ, что и докторъ знаетъ это и одобряетъ.

И вдругъ, тряхнувъ головой, обѣ подошелъ къ доктору.

— Николай Ивановичъ, Катя не умретъ безъ меня?

Докторъ невольно вздрогнулъ.

Итъ, я буду съ ней до вашего пріѣзда, я сдѣлаю все, что могу.

Такъ я поѣду!—рѣшительно проговорилъ отецъ Василій.—Вотъ, только прощусь.

Онъ вышелъ отъ больной спокойный и готовый къ отъѣзду Крѣпко пожалъ руку доктора и вышелъ съ крестьянами.

Докторъ вышелъ за ними на дворъ.

Кругомъ было темно. Дождь пересталъ. Вѣтеръ жалобно шумѣлъ между голыми вѣтвями деревьевъ. Было жутко и холодно.

— Они потонутъ, мелькнула страшная мысль въ головѣ доктора. Онъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться.

Среди завыванія вѣтра съ рѣчки доносился тихій шелестъ плущаго сала и по временамъ рѣзкій трескъ ломающагося льда.

— Это безуміе!—почти крикнулъ Николай Ивановичъ, всматриваясь въ тьму.—И зачѣмъ, къ чему?

И этотъ подвигъ самоотверженія, которымъ онъ восхищался, теперь казался ему ненужнымъ, безцѣльнымъ.

И онъ, какъ былъ, безъ шапки и пальто, побѣжалъ по дорогѣ къ рѣкѣ, съ единственной мыслью—вернуть отца Василия.

Спотыкаясь и падая нѣсколько разъ, онъ добѣжалъ до берега.

Тамъ никого не было.

Шумъ льда и сала заглушалъ шумъ вѣтра. Ледъ у береговъ шелъ сплошной массой.

— Отецъ Василій!—срывающимся голосомъ крикнулъ онъ.

Отвѣта не было.

Онъ крикнулъ еще и еще разъ, но отвѣта не было.

И вдругъ ему показалось, что тамъ, у другого берега, кто-то закричалъ страшно, испуганно. Онъ затрясся всѣмъ тѣломъ, чутко прислушился, но попрежнему во тьмѣ шумѣлъ только вѣтеръ и ледъ.

Онъ сѣлъ на обрубокъ бревна и холодный вѣтеръ пріятно освѣжалъ его разгоряченную голову и игралъ волосами.

— Такъ надо!—вдругъ громко проговорилъ онъ.—Такъ надо!—повторилъ онъ и повернулъ обратно.

Но по дорогѣ онъ вспомнилъ, что у деревни Каменки большой загонъ и теперь онъ долженъ быть весь во льду. И опять странная мысль, что они не дойдутъ, утонутъ, обожгла его,—Господи, спаси! Онъ остановился и, смотря въ темное небо, широко перекрестился.—Господи, спаси ихъ!—твердилъ онъ, идя по дорогѣ. Онъ горячо молился, и прежнее невѣріе и какой-то странный, ложный стыдъ не касались его. Онъ вѣрилъ, онъ искренно просилъ Бога спасти ихъ, и поцѣмному въ его думѣ являлась увѣренность, что отецъ Василій вернется. Онъ любилъ въ эту минуту его болѣе себя.

Придя въ гостинную отца Василия, онъ выпилъ стаканъ чая и сѣлъ въ кресло. И вдругъ почувствовалъ ознобъ и дрожь во всемъ тѣлѣ.

— Не заболѣлъ ли и я?—вздрыгнулъ онъ.

— Нѣтъ! Этого не должно быть, я не имѣю права.

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ и почувствовалъ странную слабость.

Лихорадка продолжалась, что-то давило въ груди; тянуло лечь, заснуть, забыться.

Но онъ боролся. Тѣло горѣло. Въ вискахъ больно стучалась кровь. Онъ пощупалъ свой пульсъ и какъ-то грустно и ласково улыбнулся.

— Кажется, тифъ!— тихо проговорилъ онъ и, шатаясь, пошелъ въ комнату больной дежурить до приѣзда отца Василія. На дворѣ начиналась буря

Отд. Хр.

Среди газетъ и журналовъ.

Въ „Полоцкихъ Епар. Вѣд“. одинъ изъ пастырей Полоцкой епархіи жестоко отчитываетъ своихъ собратій за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ

Народъ видитъ, какъ мы совершаемъ службу Божию и учится отъ насъ--относиться къ ней безъ страха Божія и благоговѣнія. Мы вѣнчаемъ какъ нибудъ и народъ стоитъ во время вѣнчанія какъ нибудъ и такъ во всемъ. Велико еще терпѣніе у народа и крѣпка еще въ немъ вѣра въ Бога и Христову Церковь, если мы не успѣли до сихъ поръ своимъ небрежнымъ исполненіемъ врученнаго намъ главнаго дѣла оттолкнуть народъ отъ Церкви. Долготерпѣливый Господь ждетъ нашего исправленія. А Его вѣрный рабъ, великій апостоль, грозно говоритъ намъ: „Блюдите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудріи искупующе время, яко дніе лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Божія“.. (Къ Ефесеямъ, гл. 5, ст. 15--17). Замѣчательныя слова! Какъ будто апостоль указывалъ на наше лукавое время. Возьмемъ теперь другую обязанность--благовѣстить. Есть пастыри, которые никогда не благовѣстятъ. Конечно, такихъ очень мало. Никогда не сказать, наприм., проповѣди. Вѣдь это ужасно! И не только не сказать, но и не прочитать готовой, ни даже не распорядиться, чтобы кто либо другой прочиталъ. Какъ нибудъ скорѣй отслужилъ и домой. Другая клевета,--скажутъ нѣкоторые. Къ сожалѣнію, и это не клевета, опять отвѣтимъ мы. Настоящими строками мы совершенно не имѣемъ въ виду оскорбить духовенство, а наоборотъ хотѣли бы вызвать въ немъ мужество сознать свои ошибки.

Мы опираемся на мудрую поговорку: не бойся вѣдкихъ осужденій, но упоительныхъ похвалъ.

Есть пастыри, которые благовѣствуютъ всего 5--10 разъ въ году. Есть пастыри, которые, состояя законоучителями, не преподають Закона Божьяго. Брать деньги за то дѣло, котораго не исполняешь?! Вѣдь это нечестно! Неужели мы не понимаемъ этого?! Или выходитъ-- сознательно поступаемъ нечестно и учимъ этому свою паству. А извѣсно-ли такому

пастырю, что называется воровством? Всякое присвоение чужой собственности. Законъ Божій преподаетъ учитель, священникъ получаетъ вознагражденіе. Совѣстно даже говорить объ этомъ Изъ-за такихъ пастырей и все духовенство позорятъ публично, напр., въ Государственной Думѣ. А мы этого какъ будто не понимаемъ.

Есть пастыри, которые даже осмѣиваютъ свое пастырское дѣло, положеніе и даже въ кругу свѣтскихъ лицъ. Пастырь думаетъ, что онъ этимъ приобрѣтетъ популярность среди свѣтскихъ лицъ, особенно либераловъ; но глубоко ошибается онъ: эти же свѣтскія лица будутъ презирать его за его измѣну пастырству. Такой пастырь пусть прочтетъ въ № 12119 „Новаго Времени“ о томъ, какъ отзывается извѣстный публицистъ либераль В. В. Розановъ о либерализмѣ духовенства.

Обратите напр. вниманіе на то обстоятельство, куда теперь отдають учиться своихъ дѣтей болѣе состоятельные священники. Или въ гимназію или въ реальное училище. Но вѣдь это собственно измѣна пастырству. Пастырь убѣжденный въ правотѣ своего пастырскаго дѣла, искренно вѣрующій -- всегда будетъ стараться о томъ, что бы и дѣти его прежде всего служили Богу, святой Христовой Церкви. Пастырь же, не желая отставать отъ свѣтскаго общества, уже съ ма ыхъ лѣтъ внушаетъ своему ребенку мысль о карьерѣ. Сами осмѣиваемъ свое пастырское дѣло и положеніе. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что насъи другіе осмѣиваютъ. Извѣстно, что кто себя не уважаетъ, того и другіе не уважаютъ.

Свѣтская печать по религіознымъ вопросамъ. Чтобы ни говорили объ упадкѣ въ наше время въ людяхъ вѣры, несомнѣнно то, что вопросамъ вѣры и Церкви посвящается теперь много вниманія въ современной свѣтской литературѣ. Не говоримъ уже о тѣхъ органахъ свѣтской печати, которые свои воззрѣнія утверждаютъ на началахъ вѣры, — они всегда интересовались вопросами вѣры и Церкви, но даже органы лѣваго на правленія, которые прежде обходили эти вопросы молчаніемъ, и тѣ теперь удѣляютъ имъ большое вниманіе. Правда, интересъ къ вопросамъ вѣры носитъ какой то болѣзненный характеръ, потому что ищетъ разрѣшенія себѣ внѣ Церкви, внѣ истиннаго религіознаго пониманія и сознанія, но самое уже существованіе его заслуживаетъ вниманія духовной прессы и пастырей Церкви.

„Есть много признаковъ, говоритъ г. Гофштетеръ въ Нов. Вр., заставляющихъ ожидать необычайнаго подъема въ русскомъ обществѣ мистическихъ настроеній. Религіозная и

философская мистика имѣетъ свой ритмъ. Эпохи расцвѣта смѣняются эпохами упадка, за которыми снова слѣдуетъ возвратъ къ минувшимъ увлеченіямъ. Недавно пережитое господство позитивизма и рационализма закончилось глубокимъ кризисомъ обоихъ движеній и европейскимъ разливомъ больной, хаотической декадентщины, но и декадентщина уже отжила свое время, разложилась сама въ себѣ и оставила послѣ себя пустое мѣсто въ милліонахъ тоскующихъ умовъ и сердець. Человѣческая природа дѣйствительно „боится пустоты“ и страстно стремится заполнить ее чѣмъ бы то ни было, безъ разбора.

Изъ глубины тоскующихъ, неудовлетворенныхъ душъ двигается какая-то новая волна. Что принесетъ она съ собой? Въ сознаніи болѣе просвѣщенныхъ слоевъ мистическое настроеніе пройдетъ сквозь горнило философской критики и быть можетъ послужитъ толчкомъ къ созданію новыхъ религіозно-философскихъ системъ въ родѣ исканій Владиміра Соловьева, вдохновитъ на новыя философско-поэтическія концепціи въ стилѣ реального мистика Мориса Метерлинка и т. п. Умы болѣе слабые и неустойчивые та же самая волна можетъ окончателно захлеснуть поднятою съ таинственнаго dna человѣческой психики мутью, толкнуть безпомощно растерявшуюся и сбившуюся мысль въ разверзающуюся бездну темныхъ мистическихъ изувѣрствъ и суевѣрій. Въ высшемъ обществѣ замѣтно усиливается пропаганда окультизма, имѣющая, правда, довольно невинный характеръ мимолетной моды на окультизмъ. Занятіямъ спиритизмомъ никогда кажется не предавались у насъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ въ теченіе послѣднихъ сезоновъ. Параллельно съ этимъ цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ свидѣтельствуетъ о страшномъ усиленіи хлыстовскаго движенія въ народѣ. Даже въ интеллигентныхъ кругахъ появляется немало пророковъ, самозванныхъ христовъ и юродивыхъ мистиковъ, вѣщающихъ о близкой кончинѣ міра и зовущихъ къ спасенію душъ. Въ одной знакомой мнѣ интеллигентной московской семьѣ, захваченной мистицизмомъ, такой пророкъ царитъ въ качествѣ неограниченнаго повелителя и самымъ серьезнымъ тономъ предвѣщаетъ, между прочимъ, что скоро всѣ люди полетятъ по воздуху, безъ аэроплановъ, какъ ангелы небесные. Юродивый Митя Блаженный состоялъ въ свитѣ еп. Гермогена и пользовался особымъ довѣріемъ со стороны преосвященнаго, какъ провидецъ. Этотъ примѣръ далеко не единственный. Тьма суевѣрнаго мистицизма постепенно охватываетъ интеллигентные правящіе и даже церковные верхи, а навстрѣчу ей съ

темныхъ народныхъ низинъ поднимается мрачный призракъ изувѣрской и невѣжественной, но владѣющей какими-то таинственными чарами, мистической хлыстовщины:

— Съ какимъ, поэтому, утѣшеніемъ останавливаешься вниманіемъ на здоровыхъ религіозныхъ проявленіяхъ!

На страницахъ *Вѣстника Европы*, въ интересной статьѣ г. Н. Никифорова *Петербургское студенчество и Вл. Соловьевъ* (январь) рассказывается о томъ, какъ выполнялъ Соловьевъ свою христіанско-идеалистическую миссію среди студенчества начала восьмидесятыхъ годовъ, насквозь проникнутаго позитивизмомъ и матеріализмомъ,—какъ безстрашно и безтрепетно, вездѣ и при всякихъ случаяхъ, на кафедрѣ и въ частныхъ квартирахъ онъ высказывалъ дорогія ему идеи и какъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ и вѣроятіямъ, многихъ склонялъ на свою сторону и, такъ сказать, обращалъ въ свою вѣру.

Соловьевъ,—свидѣтельствуется авторъ статьи,—самъ студентъ того времени, охотно знакомился со студентами и даже какъ бы искалъ сближенія съ ними, не брезгуя заходить для этой цѣли иногда въ самыя жалкія ихъ конурки.

Однажды онъ зашелъ къ нѣкому Бояринову,—принципіальному стороннику необходимости для студентовъ жить въ нищетѣ, хотя бы иные и имѣли возможность жить роскошно: „независимость“,—говаривалъ Бояриновъ,—„пріобрѣтается только способностью питаться хлѣбомъ съ водою и находить высшее наслажденіе въ мышленіи и спокойствіи духа.“

Этотъ студентъ—подвижникъ, принципіальный противникъ позитивизма и матеріализма, вѣрилъ и въ безсмертіе души и потому на смерть смотрѣлъ, какъ любознательный путникъ, засидѣвшійся въ одномъ мѣстѣ и жаждущій повидать новыя земли... Однако, по вопросу о безсмертіи онъ все же былъ, повидимому, не особенно твердъ и потому постоянно обсуждалъ его, производилъ даже среди товарищей на этотъ предметъ „анкету“, за что, въ концѣ-концовъ, и получилъ кличку „чудака“...

Вотъ къ этому то студенту чудаку, въ его конурку, и зашелъ однажды Владиміръ Сергѣевичъ.

„Въ тотъ день, когда я засталъ Соловьева у Бояринова“,—пишетъ нашъ авторъ,—„Бояриновъ какъ разъ свелъ знакомство со студентомъ-естественникомъ, затащилъ его къ себѣ и по обыкновенію допросилъ по вопросу о безсмертіи.“

„Естественникъ не задумался ни на минуту и, увидѣвъ на столѣ бумагу, тотчасъ сѣлъ и написалъ:

Друзья! Матерія, вѣдь, вѣчна,
А мы—матерія, конечно...
Итакъ, въ амины и амиды,
Въ сульфокислоты, альдегиды
И въ множество соединеній,
По точной схемѣ разложеній,
Мой трупъ безсмертный превратится...
И въ газахъ, въ почвѣ растворится...
И вспыхну я въ огнѣ заката,
Польюсь волною арамата
И лягу розой полевой
На грудь красотки молодой...

„Бояриновъ, прочтя этотъ „символь вѣры“, возмущился и воскликнулъ:

„—Ты все о плоти, о матеріи... А душа?

„—Душа? Ну, о такомъ элементѣ химической наукѣ ничего неизвѣстно.

„Соловьевъ, которому Бояриновъ прочелъ стихотвореніе естественника“,—продолжаетъ свой рассказъ г. Никифоровъ,—„много смѣялся тѣмъ особымъ смѣхомъ, которымъ смѣялся только онъ. Владиміръ Сергѣевичъ самъ любилъ шутку и по поводу „стишины“ естественника рассказалъ такой анекдотъ: одного ученика-математика, смотрѣвшаго на весь міръ сквозь призму математическихъ доказательствъ, упростили послушать музыканта. Математикъ, внимательно прослушавъ сонату, дивно исполненную вдохновеннымъ артистомъ, въ недоумѣніи спросилъ окружающихъ:

„—Что же онъ этимъ хотѣлъ доказать?..

„Когда шутки кончились, Владиміръ Сергѣевичъ задушевнымъ тономъ началъ развивать столь желанную для Бояринова тему о безсмертіи.

„—Желаніе безсмертія,—говорилъ онъ,—и вѣра въ него—это то единственное, что поднимаетъ человѣка надъ всею остальною природою. Если не вѣрить въ безсмертіе, то не стоитъ и жить. И вотъ почему. „Міръ во злѣ лежитъ“. Это зло повсюду: зло и обманъ въ томъ, что всемірно стремясь къ жизни, мы въ то же время знаемъ, что смерть—удѣлъ всего существующаго, и сами кончаемъ смертию. Зло и въ томъ все бытіе вселенной наполнено беспощадною борьбою за существованіе, братоубійственной борьбой... Злоба и вражда наполняютъ нашу жизнь, а любовь въ ней призрачна. Такая жизнь, насыщенная злобой и враждою, стемленіемъ каждой особи противопоставить себя всему остальному и отстаивать свое и за счетъ страданій или гибели другихъ, и

кончающаяся все же собственной гибелью, — бессмыслица и нравственное преступление. Примириться съ такою бессмысленною и нравственно-преступною жизнью, значитъ примириться съ царствомъ смерти и сознательно участвовать въ мировомъ злѣ и обманѣ. Слѣдовательно, жизнь только въ такомъ случаѣ пріобрѣтаетъ смыслъ и нравственное достоинство, когда является непрерывнымъ стремленіемъ къ нравственному совершенству, стремленіемъ къ побѣдѣ духа надъ матеріальною природою, влекущей человека ко злу и гибели. Жизнь должна быть подвигомъ, т.-е. сознательнымъ и постепеннымъ претвореніемъ плотской жизни въ жизнь духовную, одухотвореніемъ матеріи, созиданіемъ богочеловѣческаго тѣла. И вѣнцомъ такого подвига является, какъ показалъ Христосъ, полная и совершенная побѣда духа надъ матеріей, жизни надъ смертію, воскресеніе изъ мертвыхъ или истинное безсмертіе...

„Бояриновъ слушалъ Владиміра Сергѣевича съ упоеніемъ. Онъ готовъ былъ броситься ему на шею и съ этого дня прекратилъ допросы товарищей о безсмертіи. Онъ былъ удовлетворенъ въ своемъ исканіи!“

Подобныя строки въ свѣтскомъ либеральномъ журналѣ могутъ отрезляюще дѣйствовать на тѣ вѣтряныя головы, которыя теперь такъ легко растаются съ жизнью на томъ будто бы основаніи, что она бессмысленна.

Занимаетъ свѣтскую печать вопросъ объ отношеніи Церкви къ театру. Она недоумѣваетъ; почему театръ отвергнуть Церквію. „Въ то время, говоритъ г. Баяновъ въ журналѣ „Театръ и искусство“, — какъ не только общество, но и правительство оффиціально признаетъ театръ просвѣтительнымъ институтомъ, когда отдѣльныя артисты, не имѣющіе другихъ заслугъ предъ государствомъ, кромѣ того, что они — лицедѣи (по старинной терминологіи), наравнѣ съ послами и министрами удостоиваются Высочайшихъ аудіенцій, — въ это время другой древній русской авторитетъ, имѣющій громадную силу и вліяніе въ известной части народа, открыто и торжественно провозглашаетъ *анафему*¹⁾ всему театру, въ его цѣломъ, во всей совокупности его дѣятельности и со всѣми его дѣятелями! Что же должно въ этомъ случаѣ думать общество? Какъ реагировать на это странное обстоятельство? Вѣдь тутъ величайшая и категорическая альтернатива. Гдѣ же правда? И что же такое театръ въ дѣйствительности: просвѣтительное учрежденіе, или только терпимое, но неизбежное зло“?

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду Еп. Гермогена (бывшаго Саратовскаго), помѣстившаго статью въ „Русс. Знамя“ № 3, 1910 г.

Въ отвѣтъ на эти вопросы читаемъ у г. Баянова:

„Настоящій моментъ русской общественной жизни, конечно, очень неблагопріятенъ для какихъ бы то ни было религіозныхъ диспутовъ, особливо на тему отношеній къ церкви. Ибо подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, изъ которыхъ первая—это побѣдное шествіе всепереоцѣнивающего рационализма, а вторая—выступленія самихъ представителей нашего воинствующаго духовенства въ разныхъ политическихъ, экономическихъ и другихъ неподбныхъ роляхъ... Едва ли когда религіозный индиферентизмъ достигалъ болѣе широкаго распространенія, какъ въ переживаемое нами время. Поэтому слѣдовало бы особенно осторожно отнестись къ данному предмету, ибо празднословіе по столь важному для каждаго истинно вѣрующаго вопросу было бы кощунствомъ и глумленіемъ надъ такимъ щепетильнымъ чувствомъ, какъ религіозное. Но я увѣренъ, что среди всѣхъ театральныхъ дѣятелей есть не мало людей, для которыхъ вѣра и церковь не пустой звукъ и которые, выходя на общественную арену для служенія искусству, вовсе не думали порывать своихъ отношеній съ церковью, не помышляли, что самымъ своимъ вступленіемъ въ театръ они уже навлекли на себя анаѳему, т. е. отлученіе отъ церкви, и для коихъ это пассивное отступничество или отверженіе такъ же тяжело ложится на совѣсть, какъ для истиннаго патріота измѣна или изгнаніе изъ отечества, если не болѣе,

Какимъ бы не казался человѣкъ либераломъ, какъ бы ни эмансипировался онъ отъ всякихъ, такъ называемыхъ, предразсудковъ и старыхъ вѣрованій, но есть въ душѣ его что то, что въ наиболѣе критическіе или отвѣтственные моменты жизни невольно устремляетъ его въ вѣрѣ во. Всемогущаго Бога. И какъ бы ни былъ толстъ слой новопріобрѣтенныхъ богатствъ познанія и привычекъ повседневности, стоитъ только страхомъ встрепенуться душѣ, и какъ пыль предъ лицомъ вихря, взметаются они, и вновь нага и беззащитна душа наша передъ страшнымъ рокомъ и вновь--живъ нашъ Богъ и жива наша вѣра!

Съ другой стороны, этотъ фактъ--устремленія къ вѣрѣ и молитвѣ въ критическія минуты жизни,--убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что артистъ выходя на сцену, ужъ вовсе не помышляетъ, что дѣлаетъ что-то предосудительное, ибо для совершенія дурного дѣла-обмана или воровства, едва ли кто призываетъ помощь Божію.

И вдругъ мы должны узнать, что высокое служеніе искусству, на которое мы посвятили всю свою жизнь, которому

отдали лучшую часть нашей души, ума и таланта, зная коего мы свято чтимъ и стараемся держать какъ можно выше, и проповѣдь котораго мы гордо несемъ въ общество, какъ свѣточъ, силу и двигатель просвѣщенія и облагораживанія человѣчества,—несемъ съ сознаниемъ не только правоты, но и высокаго призванія нашего дѣла¹⁾,—это служеніе наше, другимъ, еще болѣе для насъ священнымъ, дорогимъ и близкимъ авторитетомъ, подъ обаяніемъ и властью коего мы находимся съ самыхъ первыхъ дней нашей жизни,—авторитетомъ церкви признается непотребнымъ, вреднымъ, развращающимъ и враждебнымъ ему и прямо называется бѣсовскимъ“..

Пора, въ самомъ дѣлѣ, установить точный взглядъ на театр. Можетъ быть правильная оцѣнка его изгнать изъ театра все развращающее, все низкое и пошлое, и дать ему иное, правильное направленіе.

— Не болѣе яснымъ представляется въ сознаніи православныхъ христіанъ и другой вопросъ, вопросъ объ отношеніи православія къ инославію, въ частности вопросъ о молитвѣ за иновѣрцевъ. Вопросъ этотъ съ особенною настойчивостью выдвинулся по поводу смерти супруговъ—Милютиныхъ. Супруги Милютины—мужъ православный, жена протестантка—хоронилась одновременно. Какъ молиться за нихъ *одновременно*? Отказъ прав. духовенства отъ молитвъ за графиню—лютеранку вызвалъ протестъ общественнаго мнѣнія.

„Но общественное недовольство, говоритъ г. Караташевъ, опиралось на такіе аргументы, которые, для церкви совершенно необъидительныя. Въ всякаго сомнѣнія, къ дѣйствіямъ церкви можно смѣло предъявлять критерій подлиннаго разума и подлиннаго нравственнаго чувства. Однако, ни на минуту нельзя забывать и внутреннихъ, индивидуальныхъ нормъ конфессіональной церкви, рѣзко отличающихъ ее отъ такихъ безразличныхъ организацій, какъ, напримѣръ, теософское общество. Обязательной для православія можетъ быть только такая постановка вопроса о молитвѣ за иновѣрцевъ въ которой бы приняты были во вниманіе всѣ эти требованія вмѣстѣ.

Фактически, это—вопросъ непочатый для русской церкви.

За отсутствіемъ яснаго принципа, духовенство вынуждено руководиться откровеннымъ человѣкоугодіемъ. При старомъ режимѣ и пикнуть не смѣли,—покорно служили панихиды во

¹⁾ А какъ г. Баяновъ смотритъ на постановку кощунственныхъ пьесъ (напр. „Черные вороны“), порнографическихъ („Пробужденіе весны“) и такъ называемый фарсъ? Неужели и здѣсь онъ серьезно видитъ высокое служеніе благородному искусству?

всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ по армянинѣ Деляновѣ, по католикѣ Ванновскомѣ, въ столичныхъ и придворныхъ храмахъ даже по лютеранинѣ Вильгельмѣ I. Но въ душѣ были противъ такихъ молитвъ. Да и въ инцидентѣ съ гр. Милутиной отказать отъ молитвы рѣшились только въ послѣднюю минуту“ (Русск. Сл.). О. Е. В.

Обозрѣватель.

Въ Мартовской книжкѣ „Странника“ уже знакомый читателямъ Благ. Еп. Вѣд. іеромонахъ Стефанъ Твердынскій продолжаетъ (ст. „Наше монашество“): азсмотрѣніе животрепещущаго въ настоящее время вопроса о сравнительномъ достоинствѣ общежительныхъ и штатныхъ монастырей. Нельзя, по мнѣнію автора, одинъ изъ указанныхъ типовъ монастырскаго быта предпочесть другому; внутренняя жизнь всего современнаго монашества, переживающаго серьезный и глубокій кризисъ, вообще оставляетъ желать много лучшаго. Эту центральную мысль своихъ очерковъ почтенный авторъ иллюстрируетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ взятыхъ изъ столь знакомой ему монастырскаго жизни и сопровождаетъ цѣлымъ арсеналомъ доказательствъ въ большинствѣ случаевъ фактически-конкретнаго характера.

„Въ психикѣ современнаго православно-русскаго монашества можетъ быть все, что угодно, но забыто самое главное, забыта эсхатологическая предпосылка нашего христіанскаго міропониманія. А внѣ этой предпосылки монашество теряетъ идейное свое содержаніе, выдыхается, вырождается въ однѣ внѣшнія формы и пустую обрядность. Вмѣсто „единого на потребу“ выдвигаются на первый планъ интересы матеріальные, экономическіе: кружка, трапеза, мантия, какъ вѣрный кусокъ хлѣба на старость, и мѣщанская обстановка, какъ предѣлъ монашескихъ вождѣленій“.

Что же дѣлать? Гдѣ выходъ изъ того тяжелаго, ненормальнаго положенія, въ какомъ очутилось современное монашество?

По глубокому убѣжденію автора, «при наличности указанной психики нашего рядоваго монашества, говорить о мѣрахъ къ возвышенію его духовнаго уровня по меньшей мѣрѣ преждевременно», нужно раньше подготовить необходимую для коренной реформы почву.

«Обращеніе штатныхъ монастырей въ общежительные мало дѣлу поможетъ: съ перемѣной устава люди останутся тѣ же. Нужна реформа болѣе серьезная, органическая. Сама жизнь подсказываетъ, что изъ двухъ обветшавшихъ, отживающихъ формъ нынѣшняго монастырскаго быта нужно создать нѣчто новое, живое и отвѣчающее наличнымъ условіямъ

и потребностямъ времени. Отъ обоихъ типовъ монашества — общежительнаго и штатнаго—нужно взять и органически сочетать воедино все, что ѣсть въ нихъ лучшаго, жизнеспособнаго, отбросивъ то, что отжило свой вѣкъ». Болѣе же всего «всѣмъ искуснымъ ревителямъ монашества нужно помнить золотыя слова архіепископа Одесскаго Никанора: «монашество, вновь гонимое за высокія стѣны монастырей, умретъ, а не возродится».

Мѣстныя извѣстія.

Отъ Родительскаго Комитета. Родительскій Комитетъ при Благовѣщенской мужской гимназіи опубликовалъ слѣдующее предупрежденіе.

«На основаніи Высочайше утвержденнаго устава гимназій и прогимназій, ученики пригготовительныхъ классовъ принимаются въ 1 классъ гимназій и прогимназій на свободныя вакансіи по состязательному испытанію наравнѣ съ грочими дѣтьми, выдержавшими это испытаніе».

Доводя объ этомъ до свѣдѣнія г.г. родителей учениковъ нынѣшняго пригготовительнаго класса Благовѣщенской мужской гимназіи, Родительскій Комитетъ считаетъ долгомъ предупредить, что, въ силу приведеннаго законоположенія, ученики пригготовительнаго класса, выдержавшіе удовлетворительно переходные экзамены въ 1 классъ, зачисляются лишь кандидатами въ этотъ классъ и за неимѣніемъ свободныхъ вакансій могутъ остаться непринятыми въ 1 классъ, такъ какъ на ихъ мѣсто должны быть приняты ученики съ домашней подготовкой, сдавшіе болѣе успѣшно вступительные (въ 1 классъ) экзамены.

Рѣшеніе вопроса о приѣмѣ, какъ учениковъ, обучавшихся въ пригготовительномъ классѣ, такъ и учениковъ съ домашней подготовкой—въ 1 классъ состоится окончательно въ августѣ мѣсяцѣ».

Переселеніе. Коснувшись вопроса о переселеніи, Амурская экспедиція даетъ такую оцѣнку существующей постановки переселенческаго дѣла:

«Считая, что циклъ коренныхъ измѣненій въ постановкѣ переселенческаго дѣла закончился, и что оно находится на прочномъ постоянномъ пути, слѣдовательно-результаты послѣднихъ лѣтъ могутъ подлежать нормальной, безъ снисхожденія, оцѣнкѣ, мы поставимъ самый общій вопросъ—можно

ли признать современный ходъ колонизаціи края удовлетворительнымъ-и постараемся разобратъся въ деталяхъ отвѣта, который будетъ конечно отрицательнымъ.

Неудовлетворительнымъ надо признать современный ходъ переселенія по тремъ слѣдующимъ главнымъ основаніямъ.

1) Вслѣдствіе большой медленности въ устройствѣ переселенцевъ на участкахъ.

2) Вслѣдствіе сравнительно большого процента уходящихъ съ участковъ обратно въ Россію или въ другія области и губерніи Сибири.

3) Вслѣдствіе малаго притока переселяющихся.

«Медленность развитія новосельческаго хозяйства, по мнѣнію Амурской экспедиціи—можетъ зависѣть отъ нѣсколькихъ причинъ, изъ которыхъ главнѣйшія 1) Трудность борьбы съ дѣвственной природой; 2) недостатокъ рабочихъ рукъ и 3) недостатокъ денежныхъ средствъ.

«Не считая стоимости провоза переселенца по желѣзной дорогѣ за удешвленную плату, выгодность, или убыточность которой для дороги недостаточно выяснена, устройство одной души мужского пола обходится въ настоящее время въ сумму, слагающуюся изъ такихъ цифръ: стоимость отвода земельного надѣла на одну душевую долю 10—12 руб.; стоимость проведенія на участокъ грунтовой дороги 30—35 руб.; врачебно продовольственная помощь выражается суммой рублей въ 20; гидротехника составляетъ пока копейки, но должна въ будущемъ составить не менѣе 20 р. на одну душевую долю. Въ общемъ, устройство *одной души мужскою пола обходится казнѣ, примѣрно, въ 100 руб., а семьи съ среднимъ составомъ мужскихъ душъ въ три съ дробью,—до 350 рублей.* Это—затрата безъ возвращенія ввидѣ уплаты денегъ.

„Эхо“

Пошлина на с.-х. машины и ихъ части. С. Пет. тел. агент. Официально. Съ перваго наступающаго апрѣля прекращается сила дѣйствія временныхъ правилъ о льготномъ пропускѣ привозимыхъ изъ заграницы нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ и ихъ частей. По поводу положенія, которое создается отмѣною вышеизложенныхъ постановленій, надлежитъ объяснить нижеслѣдующее: министерство торговли и промышленности внесло 11 сентября 1911 года въ законодательныя учрежденія законопроектъ о мѣрахъ поощренія русскаго сельскохозяйственнаго машиностроенія; причемъ согласно этому законопроекту, между прочимъ, предлагалось продлить на будущее время безъ указанія срока дѣйствій всѣхъ временныхъ правилъ о льготномъ пропускѣ изъ загра-

ницы нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ и ихъ частей. Упомянутый законопроектъ былъ рассмотрѣнъ Государственной Думою въ засѣданіяхъ 15, 18 и 27 минувшаго февраля и Дума внесла въ него рядъ поправокъ. За симъ дѣло было передано въ Государственный Совѣтъ, который въ засѣданіи 13 марта нѣкоторыя принятыя Государственной Думою поправки отклонилъ, вслѣдствіе чего законопроектъ поступилъ въ согласительную комиссію. Въ этой комиссіи онъ былъ рассмотрѣнъ въ засѣданіи 16 марта, но, за роспускомъ Государственной Думы 17 марта на каникулы, обсужденіе законопроекта въ общихъ собраніяхъ Государственной Думы и Государственного Совѣта оказалось необходимымъ отложить до возобновленія занятій Думы. Такимъ образомъ съ перваго апрѣля временно впредь до утвержденія въ установленномъ порядкѣ новаго закона объ условіяхъ пропуска изъ за границы сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій дѣйствіе прежнихъ льготныхъ для нихъ правилъ пропуска будетъ пріостановлено. Согласно сему поименованные въ пунктѣ 5 статьи 167 таможеннаго тарифа локомобили при сложныхъ молотилкахъ и паровыхъ плугахъ будутъ подлежать оплатѣ пошлиною по пункту первому литера б) той же статьи конвенціоннаго тарифа въ размѣрѣ 3 р. 20 к. съ пуда (вмѣсто 75 копѣекъ съ пуда), а машины, перечисленные въ пунктѣ 6 означенной статьи и пропускаемые нынѣ беспошлинно, будутъ оплачиваться конвенціонною пошлиною въ 75 копѣекъ съ пуда—согласно пункту 4 статьи 167, т. е. наравнѣ съ прочими сельскохозяйственными мишинами.

Равнымъ образомъ временно прекращается дѣйствіе льготныхъ условій пропуска частей сельскохозяйственныхъ машинъ—согласно пункту одиннадцатому статьи 167 и примѣчаній 1-го и VI къ этой статьѣ; приче́мъ онѣ подпадутъ подъ пошлину на общемъ основаніи, согласно пункту 7 статьи 167; въ размѣрѣ конвенціонныхъ ставокъ отъ 4 р. 20 к. до 8 рублей съ пуда. (Нынѣ запасныя части машинъ пропускаются при соблюденіи особыхъ правилъ—либо беспошлинно, либо съ пошлиною въ 75 копѣекъ съ пуда). Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратятъ дѣйствіе—примѣчаніе 5-е къ статьѣ 167 (о беспошлинномъ пропускѣ приборовъ и аппаратовъ для уничтоженія вредныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ животныхъ), а также—примѣчаніе 4-е къ статьѣ 190 и примѣчаніе къ статьѣ 194 (о беспошлинномъ пропускѣ шпагата изъ манильской пеньки для сноповязанія и полотнищъ для сноповязалокъ и сортировокъ). На основаніи законопроекта министерства торговли и промышленности находящагося на рассмотрѣніи законодатель-

ныхъ учрежденій дѣйствіе всѣхъ упомянутыхъ льготныхъ правилъ о пропускѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и ихъ частей, какъ сказано выше, предполагается продлить безъ указанія срока.

„А. П.“

Посѣщеніе Начальника Края. Въ іюнѣ совершить поѣздку въ Благовѣщенскъ главный Начальникъ Края Генераль Губернаторъ, шталмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества Н. Л. Гондатти, вмѣстѣ съ управляющимъ государственными имуществами Колл. Сов. П. И. Делле.

Печальное событіе. 28 апрѣля скончался одинъ изъ популярнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей г. Благовѣщенска, бывшій директоръ Благовѣщенской Мужской Гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Флорентій Осиповичъ Васильевъ. Своею сорокалѣтней безкорыстной, неутомимой и плодотворной педагогической дѣятельностью покойный пріобрѣлъ глубокое уваженіе и искреннюю признательность мѣстнаго общества.

Миссіонерскіе Курсы. Съ 28 мая въ Хабаровскѣ будутъ организованы временные миссіонерскіе пастырскіе Курсы для подготовки миссіонеровъ не только въ районы, населенные инородцами, но и для дѣятельности среди сектантовъ и интеллигенціи. Организациія Курсовъ поручена Синодальному проповѣднику протоіерею о. Восторгову, который посѣтитъ Хабаровскъ на обратномъ пути съ Камчатки.

Библиографическія замѣтки.

„Доброе Исповѣданіе“, „Оружіе Правды“, „Образецъ здраваго ученія“ Николая Юрьевича Варжанскаго.

Наше рационалистическое сектантство, не смотря на то, что оно появилось сравнительно недавно, вызвало противъ себя огромную литературу полемическаго характера.

Но все же хотя эта литература количественно богата, качественно не всегда была высока.

Было нѣсколько солидныхъ полемическихъ трудовъ (Оболенскій, Ольшевскій, Н. Кутеповъ), но теперь эти руководства сравнительно устарѣли, да и помимо того, они отличаются строго академическимъ характеромъ и въ настоящее время, когда всевозможныя лжеученія требуютъ живой отповѣди, не всегда пригодны для сельскаго пастыря, да кромѣ того, послѣднему разобратся въ такой тяжеловѣсной литературѣ часто нѣтъ возможности.

Я уже не говорю о томъ, что указанныя руководства со-
всѣмъ непригодны для простецовъ, ревнителей православія,
каковыхъ въ данное время выдвинула на борьбу наша миссія.

Что же касается «рядовой» литературы миссіонерскаго ха-
рактера, то помимо того, что она въ большинствѣ случаевъ
качественно слаба, она почти всегда страдаетъ той же сухостью
и акедемичностью, какъ и солидные руководства. Нѣкоторое
оживленіе въ миссіонерскую литературу внесъ, было, о. Іоаннъ
Смолинъ, но его одностороннее варіированіе одного и тоже
матеріала на разные лады набило скоро всѣмъ оскомину, и въ
настоящее время его пособія не удовлетворяютъ ни миссіоне-
ровъ—пастырей, ни простецовъ.

Безподобны въ миссіонерскомъ значеніи «бесѣды» Д. И.
Воголюбова, но онѣ беллетристическаго характера, что состав-
ляетъ въ практическомъ отношеніи для пастыря затрудненіе.

Давно мечталось о такомъ руководствѣ, которое въ ясной,
живой формѣ разработывало бы затрагиваемые сектантами во-
просы, ощущалась особая нужда въ народномъ противосектант-
скомъ учебникѣ.

Таковыми руководствами въ настоящее время являются книги
извѣстнаго московскаго миссіонера Н. Ю. Варжанскаго. Книги
эти: «доброе Исповѣданіе», «Оружіе Правды», «Образецъ здра-
ваго ученія». «Авторъ ихъ по своему положенію находится въ
самомъ огнѣ противосектантскаго боя, ведетъ бесѣды съ сектан-
тами, и миссіонерскіе противосектантскіе курсы въ разныхъ
мѣстахъ Москвы; слѣдовательно трудно найти человѣка болѣе
знакомаго съ сектантствомъ». (Мис. обзор.)

Первая изъ книжекъ («Добр. Испов.») представляетъ собою
православный противосектантскій учебникъ для катехизаціи
народа, книга особенно пригодная для пастырей и миссіонеровъ;
удобная вопросо-отвѣтная форма, живость и ясность изложенія,
масса хорошихъ рисунковъ дѣлаетъ эту книгу интересной для
каждаго миссіонерствующаго ревнителя.

Вторая книга представляетъ собою сокращеніе первой и
вмѣстѣ приложеніе къ ней; это конспектъ для веденія противо-
сектантскихъ бесѣдъ, и, какъ обстоятельный удобный конспектъ,
«Оружіе Правды» можетъ переплетаться съ Новымъ Завѣтомъ
и служить къ нему пособіемъ, когда придется «давать отчетъ

о своемъ упованіи» (1 Петр. 3, 15); нужда въ такомъ пособіи также выражалась неоднократно и печатно и устно. — Третья книжка представляетъ краткій курсъ сектовѣдѣнія для церковно-приходскихъ школъ; подобное изданіе есть у насъ подъ названіемъ «Православный противосектантскій катехизисъ — Д. И. Боголюбова», только учебникъ Н. Варжанскаго болѣе удобенъ для сельскихъ школъ, такъ какъ изложенъ проще, хотя объемомъ и меньше Боголюбовскаго. Кромѣ перечисленныхъ изданій, Варжанскимъ выпущено много и другихъ народно-популярныхъ катехизаторскихъ и беллетристическихъ листковъ и брошюръ.

«Полнота, обстоятельность и прямо поражающая убѣдительность при ясности и простотѣ изложенія, доступной самому малограмотному простолучину, дѣлаетъ ихъ необходимыми, настольными книгами для всякаго, кому приходится имѣть дѣло съ сектантами (Мис. обзор.), а дешевизна (Добр. Исп.—50 к., Оруж. Правды—25 к., а вмѣстѣ 60 к.) значительно облегчаютъ эту задачу.—Выписывать можно какъ отъ автора, адресъ котораго:

Москва, Прѣсенская застава, д. Новосилова. кв. 17; такъ и изъ миссіонерской бібліотеки Братства Св. Владимира.

Еж. Е. В.

Прот. *Лазарь Крещановскій*.—Вып. 1. Откуда къ намъ пришли еретическія секты и безбожіе?—В. 2. Бесѣда о крещеніи младенцевъ—В. 3. Бесѣда о святомъ Крестѣ—В. 4. Бесѣда о святыхъ иконахъ—В. 5. Бесѣда о ложной святости баптистовъ.—В. 6.

Бесѣда о молитвѣ.—Ростовъ н.-Д.

Означенныя брошюры (величиной отъ 4 до 18 стр.) изданы о. Л. Крещановскимъ для бесплатной раздачи прихожанамъ, чтобы послѣдніе имѣли въ рукахъ оружіе противъ воинствующихъ сектантовъ, особенно баптистовъ. Какъ видно изъ самыхъ заглавій, въ брошюрахъ кратко излагается исторія возникновенія сектантства, весьма справедливо поставляемая въ связь съ реформаціей Лютера, и опровергаются главные пункты сектантскаго заблужденія. Изложены брошюры весьма доступно и понятно, въ формѣ бесѣды между православнымъ и баптистомъ. разумѣется, здѣсь нѣтъ многихъ мелкихъ подробностей и тонкостей сектантской діалектики, но подобнаго отъ популярныхъ брошюръ нельзя и требовать. По своей общедоступности и убѣ-

дательности брошюры могутъ быть полезными и потому заслуживаютъ распространенія; но, къ сожалѣнiю, изъ брошюръ не видно, чтобы онѣ были въ продажѣ.

Нельзя не отмѣтить, что авторъ слишкомъ сгустилъ темныя стороны въ характерѣ и побужденiяхъ Лютера.

„Духовная Бесѣда“, ежемѣсячный вѣро-проповѣдническiй журналъ. Кiевъ, 1911, г. изданiя годъ 3-й, подписная цѣна 2 р. въ годъ со всѣми приложенiями.

Журналъ «Духовная Бесѣда» закончилъ 3-й годъ своего существованiя и уже въ достаточной степени опредѣлились его направленiе и характеръ. Почтенный редакторъ-издатель, свящ. о. С. Брояковскiй, много лѣтъ проходящiй свое пастырское служенiе среди сельскаго населенiя, непосредственно знакомый, поэтому, съ его нуждами и запросами, понимающiй его психологию и умѣющiй говорить съ нимъ простымъ, вполне доступнымъ для него языкомъ, предлагаетъ въ своемъ изданiи материалъ, который всѣми нашими пастырями, находящимися въ такомъ же положенiи, какъ и о. Брояковскiй, можетъ быть несомнѣнно полезенъ для нашего общаго пастырскаго дѣла — согласно условiямъ жизни и потребностямъ той или другой паствы. «Духовная Бесѣда» его очень разнообразна по содержанию. Она состоитъ изъ 1) поученiй на воскресные и праздничные дни, 2) поученiй и рѣчей на разные случаи, 3) сборника темъ и плановъ поученiй для импровизаций, 4) поученiй миссiонерскихъ и апологетическихъ, 5) поученiй катехизическихъ, 6) поученiй заключеннымъ въ темницѣ, христіюбивому воинству, инокамъ, за трезвость и противъ пьянства, 7) бесѣдъ по гигиенѣ, проповѣдническаго оузрѣнiя и др. отдѣловъ.

Хотя значительная часть помѣщенныхъ въ журналъ за прошлые годы поученiй составлена ихъ авторами была специально для «Духовной Бесѣды», однако, редакторомъ они хорошо приспособлены къ задачамъ изданiя и всегда занимаютъ, такъ сказать, свое мѣсто. Гораздо въ большей степени сіе нужно сказать о работахъ специальныхъ сотрудниковъ о. С. Брояковскаго. Они, очевидно, усвоили вполне себѣ основную идею «Дух. Бесѣды» — быть полезнымъ и понятнымъ нашему простому народу каждымъ печатнымъ своимъ словомъ, и эту идею стараются проводить послѣдовательно во всѣхъ своихъ

произведеніяхъ. Очень пріятное впечатлѣніе производитъ то обстоятельство, что «Дух. Бесѣда» всецѣло проникнута тономъ серьезнымъ, дѣловымъ.

Адресъ редакціи: *Паволочь*, Кіев. г.

В. Вл. Лебедевъ, священникъ. «Добрые посѣвы». Учебникъ—христоматія, по пѣнію для школъ, учебныхъ заведеній и самообученія. Въ трехъ частяхъ. Часть I-я. Изученіе тетраховъ гаммы. Ч. II. Гаммы До Мажоръ, -Ля миноръ. Ч. III. Гаммы, изученіе аккордовъ.

Цѣна 1 р. (съ пересылкой 1 р. 25 к.) При требованіи экземпляровъ въ учебныя заведенія (не менѣе 50 экз.) значительная уступка, по соглашенію.

О. В. Лебедевъ не новичекъ въ музыкально-педагогическомъ дѣлѣ; его методика, разошедшаяся 3-мя изданіями, показываетъ, что педагогическій опытъ у автора есть, и онъ смогъ подѣлиться имъ съ учителями пѣнія. Кстати сказать, «Методика» недавно рекомендована въ качествѣ учебнаго пособия въ регентскихъ классахъ Придворной Капеллы.

Вышедшій новый трудъ о. Лебедева стоитъ того, что бы о немъ сказать нѣсколько словъ. Это трудъ новый не потому только, что у него новая обложка, и онъ изданъ совсѣмъ недавно, а потому, что въ немъ дана новая методическая постановка изученію пѣнія, данъ свѣжій, дѣйствительно художественный матеріалъ для усвоенія, дана продуманная психологическая подкладка въ самую суть группировки матеріала, его подбора и по музыкѣ и по тексту. Вотъ какой отзывъ былъ представленъ въ Художественный Совѣтъ С.-Петербургской Консерваторіи однимъ изъ ея профессоровъ. «Добрые посѣвы» В. В. Лебедева необходимо признать первымъ руководствомъ при начальномъ обученіи пѣнію въ школахъ, стоящимъ въ согласіи съ тѣми основными руководящими началами дидактики, соблюденіе которыхъ обязательно при преподаваніи *всякаго* предмета, и обязательное значеніе которыхъ стало аксіомой совершенной педагогіи. До сихъ поръ составители подобныхъ руководствъ, въ большинствѣ слабо знакомые, или вовсе не знакомые съ психологическими основами педагогіи, мало считались въ требованіяхъ указанныхъ началъ, не умѣли отличить задачъ школьнаго обученія пѣнію отъ тѣхъ задачъ, которыя обычно ставятся цѣлью при одиночныхъ занятіяхъ со взрослыми профессионалами, готовящимися къ артистической дѣятельности.

Этимъ объясняется то, что въ подобныхъ руководствахъ ученики школъ, безъ какихъ либо предварительныхъ упражненій, сажались на вокализы (сольфеджіо), ознакомлялись съ мало говорящими ихъ уму и сердцу сухими интервалами, а

подчасъ даже съ отвлеченными опредѣленіями тѣхъ или иныхъ теоретическихъ положеній и т. п. Совершенно не то представляетъ руководство Г. Лебедева. Въ этомъ авторъ съ первыхъ же и до послѣднихъ страницъ его книги видѣнъ опытный и знающій педагогъ. Г. Лебедевъ первый отчетливо созналъ, что обученіе пѣнію дѣтей слѣдуетъ вести въ строгой постепенности отъ близкаго къ далекому, отъ простаго къ сложному, знакомаго къ незнакому, и что весь учебный матеріалъ нужно располагать въ такой послѣдовательности, при которой не получалось бы ни пробѣловъ, ни скачковъ, при которой всякая слѣдующая ступень базировалась бы на предыдущей и составляла бы естественный выходъ изъ нея. Не вдаваясь въ подробности, которыя сами бросаются въ глаза и будутъ понятны всякому педагогу, хотя бы поверхностно ознакомившемуся съ руководствомъ г. Лебедева, тѣмъ не менѣе, въ подтвержденіе сказаннаго, считаю нужнымъ остановиться на одной чертѣ этой книги. Г. Лебедевъ сталъ, если такъ можно выразиться, на точку зрѣнія «историческаго» метода въ расположеніи своихъ уроковъ. Онъ не начинаетъ съ пѣнія готовой мелодіи, съ тѣмъ, что въ послѣдствіи мелодія не останется въ одиночествѣ, а ее будутъ сопровождать и слова. Г. Лебедевъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Въ естественномъ развитіи человѣка въ началѣ было слово и ритмъ, который находится въ самой природѣ человѣка въ готовомъ уже видѣ (біеніе сердца, походка, бессознательныя равномерныя движенія рукой и т. п.), тогда какъ мелодія уже потомъ дается человѣку извнѣ. Г. Лебедевъ понялъ эту истину и проводитъ ее въ своемъ учебникѣ. Сначала онъ даетъ ученику текстъ, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ тексты его начальныхъ упражненій, какъ взятые изъ общеупотребительныхъ хрестоматій, уже извѣстны ученикамъ, усвоены ими. Этотъ текстъ, въ самомъ себѣ носящій опредѣленный ритмъ, обуславливаетъ ритмическое движеніе мелодіи, при чемъ эту мелодію (см. стран. 1-го учебника) нельзя назвать таковой въ собственномъ смыслѣ, какъ состоящую изъ нотъ одной высоты и длительности. Изученіе этихъ начальныхъ упражненій знакомитъ учениковъ съ практическимъ примѣненіемъ въ пѣніи интервала прима.

Слѣдующіе примѣры въ строгой постепенности знакомятъ съ интервалломъ секунды и т. д. Вся же теоретическая сторона, какъ напр. понятіе объ интервалахъ, въ соотвѣтствіи съ упражненіями въ сольфеджированіи, слѣдуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только послѣ предварительныхъ звуковыхъ упражненій въ тѣсной связи со словомъ и ритмомъ. Текстъ, играющій и долженствующій играть такую важную роль при

обученіи школьному пѣнію, у г. Лебедева вездѣ сохраняетъ свою просодическую чистоту и ясность, чего нельзя сказать о большинствѣ учебниковъ по школьному пѣнію, въ которыхъ текстъ обыкновенно насильственно, такъ сказать, за волосы притягивается къ разученной мелодіи, съ насиліями надъ просодіей и часто безъ соотвѣтствія содержанія текста характеру мелодіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи учебнаго матеріала всѣ мелодіи таковы, что вполне могутъ развить художественный вкусъ учащихся.

Взятые у такихъ композиторовъ, какъ Глинка, Чайковскій, Р.—Корсаковъ, Мусоргскій, или же взятые изъ области народнаго пѣсеннаго творчества,—отличаются благородствомъ, а также по своему народному колориту вполне соотвѣтствуютъ натурѣ русскихъ дѣтей, которымъ естественно ближе свое родное, чѣмъ чужое».

Сборникъ церковныхъ пѣснопѣній съ переводомъ ихъ на русскій языкъ.

Составилъ ключарь Московскаго придворнаго Верхоспасскаго собора протоіерей В. Успенскій.

Вышедшій въ настоящее время третьимъ изданіемъ составленный Сборникъ главною своею цѣлью имѣетъ удовлетвореніе давно уже назрѣвшей потребности участія молящихся въ *общенародномъ церковномъ пѣніи*. Устраиваемыя теперь почти повсемѣстно внѣбогослужебныя собесѣдованія даютъ возможность, *при пособіи Сборника*, разучивать церковныя пѣснопѣнія съ народомъ и приготовляться къ исполненію ихъ во время богослуженія. Соотвѣтственно указанной цѣли, въ составъ Сборника внесены: ц. пѣснопѣнія *всенощнаго бдѣнія и литургии* и изъ *воскресной службы*: стихиры (всѣхъ 8 гласовъ), тропари, кондаки, прокимны, ирмосы; изъ службъ *дванадцатыхъ праздниковъ*: стихиры, тропари, кондаки, величанія, прокимны и ирмосы; изъ службы *во Св. Пасху*: канонъ съ тропарями, ипаконъ, кондакъ, икосъ, стихиры Пасхи, часы пасхальные; изъ службъ *В. поста*: *первой седмицы и страстной седмицы* (каждаго дня страстной недѣли), *ц. пѣснопѣнія изъ приготовительныхъ недѣль къ В. посту, въ недѣлю Антипасхи*. Изъ службъ *въ праздники святыхъ и Богородичныхъ*—*тропари и величанія общіе Богородицѣ и святымъ* и изъ службъ *молебныхъ пѣній*: на начало всякаго добраго дѣла, благодарственный молебенъ, при началѣ ученія отроковъ, малое водосвященіе, *изъ чина погребенія, панихиды, таинствъ: крещенія, брака и елеосвященія* и изъ *заупокойной службы въ субботу мясопустную*. Всего въ составъ Сборника вошло 436 стихиръ, до 200 тропарей и кондаковъ, ирмосы 35 канонъ (до 275 ирмосовъ св. Пасх. и тропар. кан.), болѣе 120 прокимновъ и

болѣе 50 ц. пѣснопѣній, неизмѣняющихся во время Богослуженій (до 1000 ц. пѣснопѣній). Въ концѣ каждаго отдѣла Сборника сдѣланы *приложенія, заключающія свѣдѣнія о христіанскомъ богослуженіи* (о всенощномъ бдѣніи и литургіи, о великопостномъ богослуженіи, особенно о богослуженіи Св. Пасхи, Рождества Христова и двенадесятихъ праздниковъ съ указаніемъ символическаго значенія всѣхъ обрядовъ) *и о таинствахъ.*

Въ виду совершеннаго незнанія или плохого знанія массой ц. славянскою грамоты, — всѣ пѣснопѣнія на ц.-славянскомъ языкѣ напечатаны русскимъ (гражданскимъ) шрифтомъ (крупный цицера) съ раздѣленіями ихъ для остановокъ на музыкальныя строки. А дабы сдѣлать содержаніе пѣснопѣній понятнымъ для поющихъ, параллельно славянскому тексту помѣщенъ въ Сборникѣ *переводъ* ихъ на русскій языкъ.

Такое содержаніе Сборника дѣлаетъ его весьма полезнымъ и удобнымъ для *всякаго рода духовныхъ хоровъ* и пособіемъ для *регентовъ.* Пѣвчіе не только сельскихъ, но и городскихъ хоровъ, въ большинствѣ случаевъ, недостаточно знаютъ славянскую грамоту, чѣмъ затрудняется разучиваніе и исполненіе измѣняемыхъ пѣснопѣній службъ (стихирь, тропарей, ирмосовъ и т. п.), особенно когда пѣлому хору приходится пѣть ихъ по одной богослужебной книгѣ (минеи, тріоди и др.).

Какъ извѣстно, наши церковныя пѣснопѣнія являются богатымъ матеріаломъ для бесѣдъ и поученій. Внесенный въ Сборникъ переводъ вышеуказанныхъ пѣснопѣній можетъ служить весьма полезнымъ *пособіемъ для проповѣдниковъ* при составленіи поученій какъ на праздники, такъ и на разные случаи (при молебствіяхъ и требахъ).

На бывшемъ въ іюль мѣсяцѣ 1909 г. съѣздѣ законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній Сборникъ былъ предложенъ на разсмотрѣніе вмѣстѣ съ докладомъ «*О воспитаніи въ учащихся сознательнаго отношенія къ Богослуженію*», въ коемъ, между прочимъ, авторомъ была развита мысль *о желательности и возможности организаціи общаго церковнаго пѣнія среди учащихся.* Комиссія, обсуждавшая докладъ, вполне согласилась съ выраженнымъ мнѣніемъ и признала Сборникъ вполне пригоднымъ пособіемъ при организаціи общаго пѣнія въ учебныхъ заведеніяхъ. Другая комиссія того же съѣзда, при разсмотрѣніи вопроса *о методѣ преподаванія богослуженія* въ 3-мъ классѣ гимназіи, признала Сборникъ полезнымъ пособіемъ при преподаваніи ученія о богослуженіи въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Означенныя постановленія комиссій были обсуждены и утверждены общими собраніями съѣзда. Постановленія съѣзда о.о. законоучителей утверждены Св. Синодомъ (Церк. Вѣд.

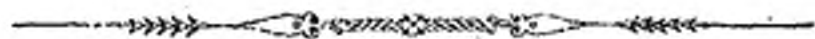
1910 № 38). Журнальнымъ постановленіемъ Учебнаго Комитета утвержденнымъ Св. Синодомъ, Сборникъ допущенъ въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній въ качествѣ пособія при прохожденіи ученія о богослуженіи и при обученіи церковному пѣнію.

Весь сборникъ съ приложеніями заключаетъ въ себѣ 17 печат. лист. (544 стр. въ 16 д. печ. л.), изданъ на лучшей бумагѣ сравнительно съ вторымъ изданіемъ. Цѣна безъ пересылки 50 коп. При требованіи 100 экз. и болѣе—30% уступки (35 к. за экз.); пересылка во всѣхъ случаяхъ за счетъ покупателя.

Книги высылаются за наличныя и наложен. платежемъ.

Адресъ: Москва. Новоспасскій монастырь, Настоятелю монастыря.

О. Е. В.

Редакторъ, Преподаватель Духовной Семинаріи С. Бухаревичъ.

Печатать разрѣшается. Цензоръ, Ректоръ Благовѣщенской Духовной Семинаріи
Протоіерей Александръ Миролюбовъ.

Типо-литографія „Благовѣщенскъ“, Торговаго Дома „И. Я. Чуринъ и Ко“
въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.